Запретный мир

Автор:
Илья Новак

Запретный мир

Илья Новак

Реальность под контролем #2

«Запретный мир» – книга, заставляющая вспомнить лучшие юмористические произведения Роберта Асприна и Кита Лаумера. Действие романа разворачивается в мире, пережившем странное изменение. Большая Деформация, в результате которой несколько параллельных вселенных «слиплись» воедино, породила искаженную реальность. Бывшие сотрудники всемогущей Эгиды, организации, контролирующей все перемещения между мирами, оказываются разбросаны по разным городам и весям. Кто-то из них становится фокусником, кто-то – профессиональным затейником, кто-то – святым отшельником, которому поклоняются аборигены… Но злоключения их на этом не заканчиваются: повстанцы-макрофаги, вызвавшие всю эту катавасию, не собираются останавливаться на достигнутом. Читайте продолжение романа-фэнтези Ильи Новака «Мир вне закона»!

Илья Новак

Запретный мир

Все может быть на свете этом сложном.

Баган Скунс

Пролог

Всякая всячина

С некоторых пор Урбан Караф поселился в Колхари-Нове, в городе Слоприкосте. Он завел свое дело и на первом этаже Торговой Башни открыл лавку, над дверью которой повесил плакат:

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА ДЛЯ ВСЕХ – ЗА ВСЯКУЮ ЦЕНУ!

Реальность Колхари-Нова стара и солидна. Уже давно здесь царил покой – бури, происходящие в других мирах, почти не затрагивали Нову.

То, что он появился из другого мира, Урбан Караф не очень-то и скрывал, хотя и не слишком распространялся об этом. Одна из самых крупных катастроф в Сопредельных Реальностях произошла по его вине, но Урбан и думать забыл о тех, кто мог бы отомстить ему.

Пришелец появился сразу после полудня, в самую жару. Город Слоприкост занимал поверхность крутобокой горы, к вершине ее можно подняться пешим ходом, а можно – на фуникулере. Пришелец, который в последнее время называл себя Левен, выбрал второе. Кроме него, в кабине никого не оказалось, квантовый компьютер фуникулера попытался вступить с пассажиром в беседу и даже, неумело оговариваясь и сбиваясь, рассказал какой-то анекдот… Но с чувством юмора у Левена было плохо. Не зафиксировав сенсорами ответной реакции, фуникулер обиженно умолк и резче чем следовало распахнул дверь-гармошку на конечной, верхней остановке.

Левен пошел дальше.

Стояла тишина, потому что практически все горожане ушли, уехали и улетели на ежегодную однодневную Ярмарку, которая как раз открылась в соседней долине. Левен прошел по извилистым тихим улочкам, остановился перед Торговой Башней и окинул ее внимательным взглядом. Тридцать этажей отблескивали рядами окон, к каждому снаружи для удобства покупателей вели

обособленные лесенки, подвесные мостки, подъемные люльки и пневмоплатформы.

Вокруг никого. Ярмарка, длившаяся всего один день, обычно привлекала большое внимание, и, зная, что сегодня никто не придет в местные лавки и магазинчики, хозяева позакрывали их и отправились вслед за покупателями поглазеть на диковинные товары из других реальностей.

Левен вошел в башню через распахнутые ворота. Между кабинками общественных уборных и фонотек, рекламными плакатами и планами этажей, конторками справочных автобюро и будками видеосвязи он углядел узкое окошко над самым полом, рядом – уводящую в полуподвал лестницу, а над лестницей – плакат с надписью:

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА ДЛЯ ВСЕХ – ЗА ВСЯКУЮ ЦЕНУ!

Сначала он заглянул в окошко, а потом стал тихо спускаться по лестнице.

Под мышкой у Левена был завернутый в бумагу и фольгу предмет цилиндрической формы, с которым он обращался очень осторожно.

Толстяк Урбан Караф как раз ругался с кофемолкой. То есть Урбан ругался, а кофемолка с тупым упрямством, свойственным большинству мелких электроприборов из-за развитого комплекса бытовой неполноценности, сновала на резиновых псевдоподиях по столу, стремясь избежать встречи с хозяйским кулаком и выплюнуть свежемолотый зеленый кофе.

Всеобщее благосостояние и товарный переизбыток имели свои отрицательные стороны. Страсть техников Центрального Сектора Конгломерата к оснащению бытовых электроприборов квантовыми мозгами-компьютерами сильно раздражала толстяка. Потому что в результате всякий зазнавшийся штопор, платяная вешалка или зажигалка начинали зачастую иметь свое собственное мнение. Урбану же, всю жизнь чихавшему на мнение окружающих людей, меньше всего улыбалось на склоне лет учиться обращать внимание на мнение окружающих предметов.

Крупные производители придерживались некоторых правил, они вставляли в продукцию ограничители эмоций и другие защитные контуры, но мелкие полуподпольные фирмы, пиратски маркирующие свой товар чужими ярлыками, использовали обычно дешевые, неапробированные комплектующие из отсталых реальностей Окраины. Эти комплектующие вступали между собой в непредсказуемые взаимодействия, что иногда приводило к удивительным результатам.

Урбан любил зеленый кофе из реальности Кси-Ксе.

Большинство колхари-новов почему-то предпочитали золотой кофе местного производства.

Соответственно, все кофемолки и кофеварки были запрограммированы на помол и варку желтых зерен, а появление внутри себя зерен иной окраски воспринимали как личное оскорбление (что происходило при активном поощрении владельцев местных кофейных плантаций).

Толстяк успел загнать кофемолку на угол стола и накрыть ладонью, когда входная дверь распахнулась, и в лавку вошел Левен. Караф выкрикнул: «Принципал!» – и взмахнул рукой.

Вращаясь вокруг оси, летящая кофемолка пронзительно заверещала сигнализатором и изрыгнула шлейф зеленой трухи.

Левен спрятал цилиндрический предмет за спину.

Кофемолка ударилась в его грудь и упала, обиженно жужжа моторчиком и дрыгая псевдоподиями.

– Стой, Караф! – крикнул Левен вслед скрывшемуся в глубине лавки толстяку.

Он ринулся за хозяином в обход стола и длинного прилавка, заваленного негодными товарами из дюжины реальностей. Кофемолка, прикрываясь крышкой и суча псевдоподиями, как раненый под обстрелом, поползла за шкаф. По другую сторону прилавка опустившийся на корточки Урбан Караф один за другим лихорадочно выдвигал узкие ящики.

Левен обежал прилавок и навис над толстяком, но тот уже нашел, что искал, и, направив дульный срез вверх, выстрелил.

«Stohastor-best» – серьезное оружие. Братство Оружейников Лурда маркирует его значком «r/r» – «разрушитель реальности» и запрещает для свободной продажи. Его, а еще зооморфизатор Урбан Караф успел украсть из оружейного склада Эгиды, организации, контролировавшей раньше большинство Сопредельных Реальностей. Лишь законченный, безответственный болван мог хранить устройство такой разрушительной силы в незапертом ящике.

Левен успел отпрянуть. Из ствола ударил вверх широкий луч незримого импульса и пронзил все тридцать этажей Торговой Башни.

Физическая первооснова материи на ограниченном импульсом вертикальном участке приказала долго жить. Стабильная фактура пластобетонных, укрепленных керамической арматурой стен и перекрытий сопротивлялась дольше. Но менее основательные предметы – прилавки, витрины, ковры, мебель, штукатурка на стенах и все товары превратились в… нечто.

Чуть позже их примеру последовала и большая часть здания.

– Ух ты!.. – сказал толстяк, изумленно глядя вверх.

То, что теперь находилось над ним, дрожало и переливалось, вспухало и опадало, корчилось и подрагивало…

Левен, видавший в своей жизни вещи и покруче (например, крах одной реальности, которая по многочисленным осям деформации сращивалась с несколькими десятками других реальностей), подступил к толстяку.

Урбан опустил ствол стохастора параллельно полу.

– Прекрати, кретин! – рявкнул Левен, вспрыгивая на прилавок. – Ты не понимаешь!

Толстяк нажал на курок и закрутился волчком, прочерчивая круг.

Все это происходило на вершине горы, так что импульс затронул только ту область, которая находилась на одной высоте с центральной площадью. Но лавка «Всякая всячина» размещалась в полуподвале, а потому заряд как бы стесал вершину, покрыв ее пенной накипью деформации физической структуры.

Энтропийный аккумулятор стохастора выдохся, и толстяк бросил оружие.

Вал, словно состоящий из жидкого стекла, лениво скатывался по склонам, бесшумно подминая под себя строения, вылизывая улочки и выжигая деревья. Его внутреннее деструктивное наполнение вступало в метафизическое противоречие со стабильной основой материальных предметов.

И все же реальность Колхари-Нова слишком стара и стабильна для того, чтобы последствия приняли фатальные размеры.

Достигнув подножия горы, вал остановился.

Левен навис над Карафом, который, присев и съежившись, с вызовом глядел на него снизу вверх.

От города Слоприкоста к тому времени уже мало что осталось. Но по какой-то необъяснимой причине вал не тронул станцию фуникулера, так что теперь его зеленый вагон на почти вертикально натянутой цепи посреди вылизанных деформацией голых склонов смотрелся нелепо и смешно.

Двумя минутами спустя Урбан Караф в маленькой комнатке под лавкой осторожно обошел высвобожденный из фольги и поставленный вертикально цилиндрический предмет, с изумлением заглянул в него и шумно засопел.

– Думал, ты меня грохнуть собираешься. Ну и ну! Потрясающе! Затянуло прям туда, а? После Большой Деформации в Зените? Знаю, там жуткие вещи происходили, но чтоб такое… Это же невероятно! Такого просто не может быть!

Левен сказал:

– Все, что может произойти, обязательно где-нибудь происходит. Это основной закон, разве ты не знаешь?

– Знаю. Но…

– Урбан, хватит болтать, – распорядился Левен. – Как ты можешь мне помочь?

– А почему я должен… – Толстяк осекся под пронзительным взглядом бывшего принципала Эгиды.

– Ты сконструировал устройство, которое в конечном счете развалило Эгиду. Из-за тебя Зенит превратился в слоеный пирог. Макрофаги у меня на хвосте и могут появиться здесь в любую секунду.

– А! – сказал Караф. – Да и мне Нова страсть как надоела. Говоришь, макрофаги охотятся за тобой? Еще бы, сам принципал! А как остальные служаки из Эгиды?

Левен пожал плечами:

– Кого поймали, кто спрятался где-то в Конгломерате, а кто дожидается сейчас меня с надеждой, что я помогу.

– Ну, и при чем тут я?..

– Сейчас, – произнес Левен голосом, в котором эмоций было не больше, чем в шелесте проносящегося над пустыней суховея, – суну тебя головой в это, – он кивнул на цилиндрический предмет, – подержу и посмотрю, что получится.

– А! – сказал толстяк, недолго подумав. – Ведь я уже давно размышляю на тему, как достойному сыну развалившейся Эгиды укрыться от мести макрофагов…

– Думай быстрее, – поторопил Левен. – Инициацией стохастора ты привлек к этому району внимание антиэнтропийных служб на много реальностей вокруг. Макрофаги тоже обнаружат аномалию и вот-вот появятся. Надо убираться отсюда.

– Хочешь, отправлю тебя. туда? – Караф ткнул пальцем в цилиндрический предмет. – Там стабильная физическая структура?

– Там западение в структуре, – возразил Левен. – Нестабильное, стремящееся к распрямлению. Я хочу, чтобы ты как раз и придал ему стабильность.

– Ну, это надо осмотреть на месте. Может, чего и можно сделать.

– А макрофаги?

– А что – макрофаги? Даже если ты не привел их за собой, как они проследят тебя до этой… гм… искривленной реальности? Впрочем, могут и проследить. Но в любом случае там ты будешь лучше защищен от них. – Толстяк внимательно посмотрел на Левена. – Так что мы с тобой, принципал, отправимся вместе, тем более что теперь я здесь больше жить не смогу. Когда местные вернутся с Ярмарки и обнаружат, во что превратился их городок… Попробуем стабилизировать западение. – Урбан Караф наклонился и очень осторожно дотронулся пальцем до края цилиндрического предмета. – Мне надо немного времени. – Он осекся, услышав приглушенное гудение, которое доносилось откуда-то со стороны фуникулера.

– Нет у нас больше времени!

Левен схватил цилиндрический предмет и стал поспешно заворачивать его в фольгу. Тем временем Караф обошел прилавок и осторожно выглянул сквозь прореху в расплавленной стохастером стене. Над краем гладкого склона летела серебристая лодка макрофагов.

– Оружие? – Левен лихорадочно огляделся. – У тебя есть здесь что-нибудь еще?

Урбан Караф метнулся к прилавку и загрохотал ящиками. Левен увидел, как он выпрямился, сжимая в руках громоздкое устройство с несколькими рукоятями и толстым стволом.

Серебристая лодка быстро увеличивалась в размерах, теперь стали видны очертания люков и покатой кабины, за прозрачным колпаком можно было различить несколько фигур.

– Это зооморф. – Караф чем-то щелкнул и для пробы прицелился. – Не знаю, работает ли он еще.

В нем что-то сломано, но один импульс он сейчас сможет дать… – Пока он говорил, лодка подлетела ближе и стала опускаться, одновременно выдвигая из днища узкую аппарель. – Ну, принципал? В кого ты хочешь превратить одного из своих врагов?

Часть 1

Дно: из центра круга

Как геометр, напрягший все старанья,

Чтобы измерить круг, схватить умом

Искомого не может основанья,

Таков был я при новом диве том…

Данте Алигьери

Хорошо быть большим и красивым, чтоб ни унции лишнего жира, чтобы плечи – в косую сажень, живот – как доска для стирки белья, а грудь колесом.

И чтоб от всего твоего облика веяло уверенностью в своих силах и мужественной иронией по отношению к окружающему миру. И конечно же, помимо перечисленного необходимо еще излучать невидимые простому глазу волны, именуемые в определенных кругах флюидами. Они заставляют встречающихся на твоем жизненном пути мужчин скрипеть зубами от зависти, а женщин – тихо млеть и, ощущая слабость в коленках, безвольно вешаться на твою в меру мощную шею.

Примерно так размышлял Белаван де Фей, медленно и сосредоточенно сметая мусор с платформы. Метла в его руках была чахлая, с кривым неудобным черенком, но зато платформа – совсем узкая и короткая. Да и мусора за прошедший день накопилось всего ничего. Неоткуда было взяться мусору на

железнодорожном полустанке в двух десятках миль от ближайшего города.

Поезда здесь не останавливались никогда, и лишь раз в месяц со скорого почтового сбрасывали пакет с письмами, каталогами семян и рекламными буклетами новейших сельскохозяйственных приспособлений. Посылки предназначались для окрестных фермеров. Белаван садился на видавший виды велосипед и развозил их адресатам.

В том же пакете, в скрепленном большой сургучной печатью железнодорожного департамента конверте, находились и мятые купюры. Не очень, в общем, крупная сумма – ставка смотрителя станции четвертой, последней категории и не могла быть высокой. Впрочем, то немногое, что Бел покупал у фермеров, они отдавали задешево, все-таки он не заставлял их каждый месяц переться на станцию, как предыдущий смотритель.

Закончив с мусором, он прислонил метлу к стене сторожки, поправил очки и выпрямился, уперев руки в бока. Нельзя сказать, что Белаван де Фей был слишком некрасив. Хотя роста он и высокого, но, увы, и плечи его не отличались шириной, и конечности пусть совсем чуть-чуть, но все же длиннее положенного. Да и мышцы не впечатляли.

Лицо вовсе не казалось отталкивающим, но вместе с очками производило едва уловимое впечатление нескладности. Нос курносый, а подбородок такой, что на ум лишь в последнюю очередь приходили эпитеты вроде «волевой» или «решительный». В общем, он был молодым человеком из тех, про которых почему-то говорят, что они длинные, а не высокие, тощие, а не худые. Взгляды молодых особей противоположного пола на таких, как правило, не задерживаются.

Никогда не знавший своих родителей, Бел де Фей не ведал также и своего возраста. Имя – по статистике, самое распространенное на континенте – ему дали в интернате, а откуда взялось «де Фей» теперь уже вообще никто не помнил. Пока он рос, в интернате четырежды сменилось регулярно проворовывающееся руководство. Обычно это предварялось пожарами, более всего, как водится, затрагивающими бухгалтерию и архивы.

Документов не сохранилось, и о возрасте оставалось лишь гадать. Время подростковых гормональных всплесков и будоражащих снов для Бела уже

миновало, но и охлаждения организма пока еще не наблюдалось. Так что Белаван знал, что ему где-то между двадцатью четырьмя и тридцатью… Хотя это один из тех вопросов, в котором все же хочется быть более уверенным.

Свое лицо он считал больным местом… В переносном, конечно, смысле. Кожа была чувствительной, как у ребенка или городской барышни, и склонна покрываться розовыми пятнами после бритья; волосы на лице росли не то чтобы нерегулярно, но как-то вяло, без энтузиазма… В общем, дочери окрестных фермеров, все как на подбор крепкие, кровь с молоком девицы, видевшие Белавана во время его ежемесячных велосипедных круизов, быстро потеряли к нему интерес.

Стоя на краю платформы, он посмотрел налево, потом – направо. Слева рельсы изгибались и исчезали за грядой пологих холмов, справа тянулись прямо, рассекая луга надвое и теряясь из виду в густых травах.

Низкое небо казалось выцветшим, словно почти беспрерывно дувший в этих краях суховей начисто смел все живые оттенки, счистил киноварь, индиго и охру, осушил эфирную глубину, оставив для обозрения лишь тусклое бледно-желтое пространство.

Уже полгода Белаван де Фей занимал должность смотрителя в этой точке Вселенной, и с каждым днем Вселенная все плотнее сжималась вокруг Бела. Теперь ему иногда начинало казаться, что весь чудесный огромный мир превратился в накрытый выцветшим куполом полустанок с тянувшимися в две стороны обрубками рельс, по которым из небытия в небытие прокатывались поезда. Полустанок-черная дыра, полустанок в безвременье, который лишь периодически, раз в месяц, выплескивал протуберанцы полей и ферм, а затем после велообъезда втягивал их обратно.

Впрочем, о существовании других обитаемых мест свидетельствовала еще радиосвязь. Как раз сейчас тонкий писк сигнализатора доносился из приоткрытого окна. Белаван аккуратно вытер подошвы стоптанных туфель о тряпку и, ссутулясь, вошел в дом. Радио – железный куб, стоящий на столе, – продолжало пищать. Белаван взгромоздился на стул, щелкнул переключателем, взял микрофон и произнес:

– Смотритель ост-полувест слушает.

Из динамика доносились треск, шипение и приглушенный голос:

– Ршш… Ну вот, а она мне говорит – за пять… трс-с-с-с… а если не согласен… тр-рш… иди в… пансион и… ж-ж-ж… никаких тебе скидок.

– Смотритель слушает! – повторил де Фей.

– Да что ж такое… тр-рш… Длинный, где ты там? – Голос стал громче.

– Я не длинный. Я долговязый.

– А! Привет, Бел! Как дела?

– Какие наши дела? – Он подкрутил настройку, и треск помех стал тише.

– Копаешься в своем навозе?

Бел посмотрел в окно на засаженные чахлыми кустиками грядки и вздохнул:

– Зачем вызывал-то?

– Не приглядел еще себе какую-нибудь пышку-селянку?

– Приглядел, – буркнул де Фей. – Чего тебе?

– Слышь, ты там ведь по третьему разряду получаешь?

– По четвертому.

– Ну! В твои-то годы? Да, а сколько тебе? Ну, не важно… Мы тут с мужиками скидываемся, чтоб в королевском заезде поставить. Мне одна букмекерша шепнула, на кого… Верняк, по десять… то есть по семь монет с каждой вложенной. У тебя ж свободные должны быть. Предлагаю в долю войти.

– Как? – уточнил Бел. – Вы – там, а я – здесь. У меня даже поезда не останавливаются, как я деньги вам передам?

– Приезжай в город на денек. Ты в своем захолустье скоро совсем зачерствеешь.

Бел подумал и сказал:

– Нет, не хочу приезжать. И скачки – это не по мне. Ты из-за этого меня вызывал?

– Из-за этого?.. Нет… а! Там сегодня через тебя состав пройдет.

– Какой состав? – удивился Бел. – Сегодня ж не…

– Знаю, что не… Но этот вне расписания. Маленький, пять вагонов всего.

– Да откуда ж он взялся?

– Откуда, откуда… Пустили с полуостовской ветки через нас. Цирковой поезд, слыхал о таких?

– Ну, слыхал…

– Это цирк Антона Левенгука. Он появился года полтора назад, еще шум был, помнишь, когда у него из труппы несколько человек исчезли? Нет, ничего ты, наверное, не помнишь… В программе: блохи-гладиаторы, девочка-вундеркинд, женщина, распиливающая сама себя ножовкой… – динамик донес радостное хихиканье человека, до глубины души восхищенного собственным остроумием, – и огромные кролики, которых достает из шляпы фокусник, он же владелец и антрепренер А. Левенгук. Впрочем, тебе это все ни к чему. Ты, главное, проверь, чтоб на путях ничего не было. И чтоб он там какую-нибудь живность не подавил. Ты там уже хозяйством обзавелся, Длинный?

– Я – долговязый! – рявкнул Бел. – Все у тебя?

– Все, все…

– Я тогда отключаюсь…

– Ну, бывай.

Белаван отложил микрофон и щелкнул выключателем.

– Длинный! – повторил он вслух, впрочем, без особого возмущения. Во-первых, он действительно был длинным, не высоким, а именно длинным, во-вторых, по природе своей Бел просто не способен был на кого-нибудь долго сердиться.

Поезд ехал не слишком быстро. На передке под извергающей клубы дыма трубой висел плакат с надписью: ЦИРК А. ЛЕВЕНГУКА, – а под надписью располагалось высокохудожественное изображение мужчины, с вытянутым сосредоточенно-таинственным лицом, облаченного в черный фрачный костюм и черный высокий цилиндр. Сам А. Левенгук – его лицо действительно было скорбным и вытянутым, как морда старой голодной лошади, – сидел возле окна в личном купе четвертого вагона, одетый, правда, не во фрак, а в длинный цветастый халат. Фрак висел на специальных плечиках под потолком, а цилиндр стоял на полке-столике у окна. Это окно Левенгук только что приоткрыл, но задувавший в душное купе суховей облегчения не принес.

Вообще-то, Белаван де Фей не был таким уж пентюхом, каким, казался, если судить по его внешности. Определенными достоинствами он, несомненно, обладал. Вот, например, Бел почти умел фехтовать – эту ненужную в современном мире дисциплину факультативно преподавал физкультурник из интерната. Длинные ноги позволяли ему быстро бегать (если только он не запутывался в них на старте), а длинные руки – быстро плавать, подтягиваться и крутить «солнышко» (если только в этот момент он не задумывался о чем-нибудь постороннем, и центробежная сила, сорвав с турника расслабившиеся пальцы, не уносила его тело куда-нибудь прочь).

Он много читал, со щенячьим удивлением реагировал на все новое, и хотя среди сверстников считался пацаном не от мира сего, никто в интернате никогда не посмел бы назвать его трусом. Страх Белавану де Фею был просто неведом, наверное, соответствующая железа в его головном мозге не содержала нужного вещества.

…За окном начали еле слышно позвякивать рельсы – цирковой поезд приближался. Бел де Фей встал и вышел из домика, чтобы проверить, нет ли посторонних предметов на входящем в зону его ответственности отрезке путей.

У А. Левенгука болела голова. Последнее время он пребывал в глубокой меланхолии, и ползущий за окном пейзаж – желтый, унылый, однообразный, с редкими фермерскими постройками – оптимизма не прибавлял. Иногда фокуснику начинало казаться, что всю его долгую бессмысленную жизнь можно сравнить с таким вот тоскливым пейзажем. Морщась, он открыл окно пошире, и цилиндр качнулся в порыве горячего воздуха. Надо убрать, отвлеченно подумал фокусник, взял с полки серебряную фляжку и глотнул успевшего нагреться коньяка.

Он потянулся к цилиндру, но тут дверь без стука отворилась, в проеме возникла высокая коротко стриженная женщина в серебристом бикини и тапочках.

– Вот! – Испуганно и в то же время вызывающе глядя на фокусника, она продемонстрировала ножовку с налетом ржавчины на полотне. – Совсем уже того… А они еще обзываются!

Снова поморщившись, А. Левенгук встал, проворчал: «Ладно, сейчас…» – и вышел из купе. Дверь закрылась, но не до конца.

От сквозняка цилиндр качнулся сильнее.

На рельсах, естественно, ничего не валялось и живность не бродила. Засунув руки в карманы, покачиваясь с носков на пятки и обратно, Бел стоял в ожидании поезда, молодецкий посвист которого уже доносился из-за гряды холмов. Стоял и размышлял, что будет делать вечером. Да и в течение всего следующего дня, если на то пошло.

Последняя книга уже дочитана, а предыдущие он помнил слишком хорошо, чтобы перечитывать заново. Самодельная шпага, которой он фехтовал с чучелом на заднем дворе, надоела до полусмерти. И вообще все надоело. Надо было попросить диспетчера, чтобы со следующим почтовым прислали новый том из серии «Приключения Гремучего Жоржа». Хотя эта последняя чепуха, как Гремучий Жорж попадает в храм Маниакального Повелителя Некрофилов, надо признать, на редкость ерундовая. Предыдущая чепуха, в которой Жорж сражается против Проктологов Смерти, все-таки поживее. Начиналось так интересно: «Все смешалось в Храме Смерти. Первый Проктолог узнал, что Второй Проктолог был в связи с Третьим Проктологом, и объявил, что не может жить с ним в одном Храме».

Под усиливающийся перестук колес поезд выехал из-за ближайшего холма и вновь засвистел, выпустив клуб дыма. Здесь, возле полустанка, по неизвестной причине еще оставался участок старых путей длиною шагов сто, спереди и сзади к нему примыкали новые, блестящие, пока не изъеденные ржавчиной рельсы. Проезжая по стыкам, колеса постукивали громче, а вагоны над ними чуть покачивались…

Дверь в купе была приоткрыта, к порывам задувавшего ветра добавился равномерный сквозняк. С периодичностью в две-три секунды суховей как бы накладывался на этот сквозняк, и тогда стоящий тульей книзу цилиндр на полке-столике возле окна покачивался. «Туммп… туммп…» – равномерно постукивали колеса. Но теперь к стуку прибавился другой, звучавший почти так же, но более быстрый и постепенно усиливающийся – «туммп-туммп, туммп-туммп» – это колесные пары передних вагонов проезжали по рельсовому стыку.

Порыв ветра и сквозняк качнули цилиндр. «Туммп! Туммп!» – вагон дрогнул, цилиндр качнулся в другую сторону.

Секундой раньше, секундой позже – и ничего бы не произошло.

Но все совпало, три составляющие – сквозняк, суховей и качка – наложились друг на друга и срезонировали.

Цилиндр перевернулся.

Когда стало темнеть, Белаван решил, что надо бы поужинать, и разогрел вчерашний суп. Бормоча что-то себе под нос, доел его прямо из кастрюли, а кастрюлю сунул в ведро с холодной водой, решив, что помоет завтра.

Привычка разговаривать с самим собой и неодушевленными предметами возникла и развилась у него за последние месяцы одиночества. От привычки явно попахивало психозом, но он уже ничего не мог с ней поделать. Со стороны это выглядело так: долговязый молодой человек пытается разжечь фонарь на краю полустанка и бормочет: «Ну, давай, давай, чего ты?»; тот же молодой человек возвращается к дому и ведет задушевную беседу с огнивом в своей руке; он же, нацепив на голову старое ведро с прорезями для глаз, тычет тяжелой самодельной шпагой обветшалое чучело на заднем дворе, а над унылым ландшафтом суховей разносит восклицания: «Ап!.. Еще раз!.. Туше!..»

Белаван, примостив шпагу у двери, наблюдал за тем, как солнце, постепенно съеживаясь и бледнея, скатывается к горизонту. Несколько минут оно высвечивало размытые силуэты далекого города, к которому тянулись оранжевые нити рельс, и наконец с облегчением исчезло.

Два фонаря по краям полустанка горели тусклым светом. По инструкции они должны были светить всю ночь, хотя толку от них никакого, а масло заканчивалось, и за ним надо было специально ехать на ферму. Бел решил все же потушить их и, двинувшись по платформе, зацепил что-то ногой. Посмотрел. Между шпалами лежал черный цилиндр.

Интересно, как он не заметил его раньше?

Белаван водрузил цилиндр на стол тульей книзу и чуть отошел, рассматривая. Шляпа как шляпа – в меру высокая, в меру узкая, в меру потертая. В полях имелась небольшая дырочка, куда при желании можно было просунуть мизинец.

Выпал, наверное, из поезда. То есть не наверное, а наверняка, больше ему тут неоткуда взяться. И что теперь с ним делать? На крупных станциях и вокзалах существуют, конечно, бюро находок, но здесь… Сообщить, что ли, диспетчеру? Да нет, чепуха, над ним лишь посмеются.

Это, видимо, цилиндр фокусника, тот, из которого достают кроликов и разноцветные ленты. Какой-нибудь секрет в нем должен быть, двойное дно, что ли?

Бел взял цилиндр, покрутил его, зачем-то сунул руку внутрь, а когда вытащил, обнаружил на ладони пыль. Как называется этот материал… фетр? Наверно, в два слоя, а между ними проволочный каркас…

Снизу раздались писк и тихое шуршание. Поставив цилиндр, де Фей заглянул под стол, для чего пришлось низко нагнуться. Из-за дальней ножки на него смотрели два красных глаза-маслины.

Белаван выпрямился и отступил. Вновь раздалось шуршание, и из-под стола вылезла крыса. Большая и серая, с порванным ухом.

Белаван удивленно покачал головой – раньше он здесь крыс не видел. Некоторое время они настороженно рассматривали друг друга, потом крыса попятилась и исчезла из виду. Нет, не она, а он. Почему-то Белу показалось, что это самец. Он подождал, но крыс больше не показывался. Еще раз оглядев цилиндр и пожав плечами, Бел вышел из кухни.

В спальне он зажег лампу, разделся, улегся под одеяло и попытался читать «Гремучий Жорж и Зловещий Трубочист».

«Жорж сделал стремительное движение, меч описал свистящую дугу, и те головы, которые попали в смертельный круг закаленной в вулкане долматинской стали, слетели с плеч. Черепа тварей раскалывались, обдавая пол сгустками костного мозга. За пределами убийственного выпада остался лишь Зловещий Трубочист (хорошо хоть, не Кровавый Проктолог, решил Бел), со страшного, покрытого копотью лица которого не сходила надменная улыбка превосходства».

Нет, это невозможно. Читая в первый раз, он не обращал внимания на стиль и сочные эпитеты, сосредоточиваясь лишь на сюжетах, которые, несмотря ни на что, все же были иногда интересными. Но теперь, когда знаешь, что произойдет дальше, обилие приключений тела и полное отсутствие приключений духа начинало угнетать. Да и сгустки костного мозга из черепов…

Отложив книгу, он погасил лампу.

Счастливой, неожиданной для его мечтательной натуры была способность засыпать незаметно для себя, очень быстро, почти мгновенно.

Белаван де Фей закрыл глаза.

Потом открыл их.

И понял, что прошло уже полночи.

Из кухни доносились какие-то звуки.

Кухню слабо освещали тлеющие в открытой плите угли. Но не только они.

От стоящего на столе цилиндра исходило тусклое серебристое свечение. А еще звучал очень тихий, на грани слышимости, шепот.

– Так, – сказал Бел, отступив к двери и на всякий случай извлекая из-за нее шпагу. – Это… – он осторожно ткнул кончиком шпаги в цилиндр, – что?

Шляпа качнулась, свечение замерцало, переливаясь, словно выплеснулось наружу от толчка. Бел приблизился. Страха он не испытывал вовсе, но это не мешало проявлению здорового инстинкта самосохранения. Так что шпагу он откладывать не стал – сжимая ее, заглянул в цилиндр и чуть толкнул свободной рукой. Даже секундного прикосновения оказалось достаточно, чтобы ощутить тепло шершавой фетровой поверхности.

Цилиндр качнулся и застыл на ребре, наискось к столешнице. Серебристое мерцание, струясь, начало растекаться по столу. Шепот зазвучал громче. Под столом зашуршал крыс.

– Ничего себе! – сказал Белаван де Фей.

Мерцание достигло края стола, медленно перелилось и ленивым потоком устремилось к полу. Крыс возбужденно заскребся.

Внутри цилиндра чернела пустота… Огромная пустота, как с некоторой оторопью понял Бел. И слышался шепот – теперь уже не шепот, а тихий гул, который сливался, казалось, из всех звуков мира…

…из рычания зверей, шелеста листьев, скрипа весел в уключинах и скрипа несмазанных дверных петель, звона стекла, стука копыт о камни, лязга железа, щелканья тетивы и свиста летящей стрелы, небесного грома и плеска капель, падающих в воду…

И даже людских голосов, криков, плача и смеха.

Наполненная жизнью тьма притягивала его.

Краем глаза заметив, что сияние на полу уже достигло ног и теперь взбирается по ступням, Бел склонился ниже, поддаваясь неумолимому притяжению

загадочной глубины. В поле зрения осталось лишь внутреннее пространство цилиндра. Оно медленно вращалось, словно гигантская воронка, в которую кто-то сотнями галлонов вливал вязкие черные чернила.

Белаван продолжал наклоняться и видел теперь…

…огоньки, расплывчатые пятна и фигуры, проступающие в масляных потоках: зверей, что рычали в лесах, шелестящих листвой; лодки со скрипящими уключинами, дома с несмазанными дверными петлями и звенящим в оконных рамах стеклом; лошадей, стучащих копытами по камням мостовой, что пролегла под стенами домов; летящую в воздухе стрелу и воду, проливающуюся с небес, в которых грохочет гром…

И даже людей среди этого потаенного мира.

Не видел Белаван лишь серебристого свечения, окутавшего его фигуру.

Несколько позже на кухне вновь воцарилась тишина. Цилиндр качнулся – раз, другой, – после чего медленно упал на пол. Сияние втянулось в него, померкнув. Под столом вновь завозился серый крыс, из-за ножки показалась его вытянутая усатая морда.

Красные глаза-маслины внимательно посмотрели на шляпу.

Глава 1

Кажется, это были сикоморы… или тисы? Познания Белавана де Фея в ботанике отличались глубиной и насыщенностью пересыхающего жарким летом ручейка. Во всяком случае, стволы деревьев высокие, узловатые, с пышными кронами…

Поднявшись из травы, Бел отряхнул форменную куртку, которую натянул вместе с брюками перед тем, как зайти на кухню. Потом поправил очки и, сунув шпагу под мышку, сделал несколько шагов, выходя из-под деревьев неведомой породы. В результате его взгляду открылся замок.

Да, замок, но маленький и пребывающий в жалком состоянии. Две угловые башни, которые теперь видел Бел, были, в общем-то, невысокими и даже, как ему показалось, слегка покосившимися. Стена между ними – обветшалой, с неровными бойницами. Подъемный мост через ров потерял уже право называться подъемным, так как обе цепи, тянувшиеся от лебедок в стене, изъела ржавчина. Да и сам ров давно пересох. От замка веяло запустением, судя по всему, обитать там могли лишь призраки некогда могучих рыцарей да отгулявших свое прекрасных дев.

– Д-да, – пробормотал Бел, вступая на прогнившие доски моста. – Я все понимаю… Никакого культурного шока… Я слышал о разных путях в иные миры… То есть я читал об этом. Можно изучить книгу Ганса Шимма… Шиммеркопфа о месмеризме, сконцентрировать психическую энергию и… пфф! – он взмахнул рукой, когда доска треснула, – и вот ты уже укротитель времени при дворе Ее Высочества… Можно выучиться на доктора психологии… прочесть какую-то хитрую формулу и – р-раз! – он перепрыгнул через зияющую в досках дыру, – ты уже дипломированный чародей и беседуешь с Тором. А можно, сбежав от семьи, отправиться в своем автомобильчике в поездку по загородной дороге, летним полуднем въехать в жаркое марево – и очутиться в Утопии среди людей-богов… Или еще… – Он щелкнул пальцами, сходя с моста и останавливаясь перед узкой дверью в левой половине замкнутых ворот. – Или еще, сделав волевое усилие, просто повернуть окружающий мир на бесконечно малый угол, чтобы все на мгновение расплылось… И вот ты уже в Валгалле. А как-то случилось вот что… – Он постучал. – Один студент пришел в себя посреди незнакомого леса оттого, что о его ноги споткнулась здоровенная говорящая выдра в штанах, жилетке и шляпе. Но чтобы вот так… вот так, как я… Эй, откройте! – Даже перед лицом настолько невероятного приключения природная вежливость взяла свое, и Бел добавил: – Пожалуйста! Дверь скрипнула и приоткрылась.

– Я помню, вроде бы помню, как падал, – сообщил де Фей появившейся в проеме голове. – Нет, вернее, не падал, меня будто засасывал черный вязкий водоворот… Необычное, в общем-то, ощущение… Какое-то… э-э… Какое-то…

– Что? – уточнила голова, и дверь открылась шире.

Белаван замолчал, разглядывая незнакомца.

Мужчина высокого роста, с широкими плечами. Лицо имело все положенные мужскому полу черты… в несколько гипертрофированном виде. Гладко выбритые скулы были очень четко очерчены, нос – абсолютно прям, подбородок размером с допотопный паровой утюг – чрезвычайно решителен и выступающ. Про такие лица принято говорить, что они вырублены из камня, но в данном случае более уместным стало бы выражение «вылеплено из воска» – потому что в лице чувствовалась некая внутренняя мягкость, податливость, с которой удачно сочетались довольно длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор и свободно падавшие на плечи.

Некоторое время они стояли, молча пялясь друг на друга, а затем незнакомец перевел взгляд на шпагу, все еще зажатую под мышкой де Фея, и, тихо воскликнув: «Амазон!» – отступил.

Толкнув дверь, Белаван вошел.

Замерший перед ним мужчина был в длинных рыжих шортах и белой рубашке из легкой материи с большим вырезом на груди и обилием грязных кружев. Чувствуя, что глупо выглядит со шпагой под мышкой, Бел взялся за рукоять и опустил оружие клинком к земле. В глазах незнакомца мелькнул страх.

– Ох! – воскликнул он и побежал прочь, всполошенно и как-то по-женски разбрасывая в беге волосатые руки.

– Чего вы?.. – миролюбиво крикнул вдогонку Бел, но мужчина даже не оглянулся. – Подождите, я не… – Белаван с усилием заставил свой рот закрыться.

Слова бурлили в мозгу, стараясь вырваться наружу. Белом владело желание говорить и говорить, комментируя свои мысли, впечатления, чувства и все, что происходит вокруг. Своеобразная реакция организма на чудесное перемещение внутрь Цилиндра. Он сжал губы и пошел вглубь замкового двора по направлению к двухэтажному зданию, в дверях которого скрылся незнакомец.

Время суток, только теперь понял де Фей, стало иным. Вообще-то небо покрывал плотный слой низких облаков, не позволявших разглядеть солнце, но, судя по рассеянному сероватому свету, день клонился к вечеру. А может, это и утро, но уж никак не ночь. Двор озаряло несколько костров, на которых что-то кипело в

небольших котелках. Между кострами стояли и сидели мужчины числом около десятка и примерно столько же детей. Слышались приглушенные голоса.

Когда Белаван подошел, голоса стихли. Он остановился перед ближайшим костром, рассматривая сидевшего рядом человека – похожего на первого, но с более светлой шевелюрой – и маленького мальчика на его коленях. В глазах мужчины, окинувшего взглядом де Фея и шпагу в его руке, читался если не страх, то, во всяком случае, опасение. Еще несколько аборигенов, все как на подбор с чрезвычайно гедоническими лицами и статными фигурами, подошли ближе. Компания суперменов из комиксов, пройдя сквозь стелившийся по земле серый костровый дым, обступила его.

– Э-э… – начал Бел, – здравствуйте. «Что он сказал?.. Здравствуйте… О-о…»

У костра мальчик потянул мужчину за волосы и, когда голова того наклонилась, что-то прошептал ему на ухо.

– Ты… из Архипелужка? – спросил светловолосый настороженно.

Теперь Белавану пришлось задуматься над проблемой, почти всегда – если верить свидетельствам – возникавшей у того, кто попал в иной мир.

Схема поведения имеет два варианта, решил Бел. Либо ты с идиотской честностью сразу же сообщаешь все встречным о том, кем являешься и откуда здесь взялся… рискуя немедленно прослыть умалишенным. Либо, по возможности, отмалчиваешься, предоставляя окружающим самим делать выводы на твой счет. Классический вариант – сослаться на внезапную и полную потерю памяти вследствие… Собственно, в чем причина скоропостижной амнезии ты, естественно, также не помнишь, и в этом заключается основная прелесть данного приема. Несмотря на то что слова все еще рвались из его рта, Белаван решил отмалчиваться.

Тем временем из каменного дома появились три коротко стриженные девицы, облаченные в то, что с некоторой натяжкой можно было назвать кожаными доспехами, и обутые в сапоги до колен. Руками в перчатках они сжимали короткие мечи. Две не имели каких-либо украшений, на третьей – массивная серебряная цепь и круглый медальон на шее. Следом топал тот черноволосый красавец, который назвал Бела «амазоном».

Мужчины расступились, две девицы обошли де Фея слева и справа, а Медальон остановилась перед ним и спросила насмешливым голосом:

– Ну, и что тебе здесь надо? Противоположный пол обычно смущал Белавана, а насмешка в устах обратившейся к нему женщины вообще вызывала желание залезть в какую-нибудь глубокую тихую нору и впасть там в длительную спячку. Но эта девица была такая… неженственная, что обычная робость на сей раз не овладела Белом. Воительница с мечом окинула взглядом его шпагу и очки, заломила бровь, посмотрела на матерчатые погоны форменной железнодорожной куртки и произнесла:

– Незнакомая обмундировка. Дай угадаю, милашка, ты либо амазон из Архипелужка, либо бродяга-потаскун, – она хмыкнула и подмигнула, – либо шпион Зигрии.

Бел молчал, соображая, что ответить. Определение «шпион Зигрии» содержало что-то потенциально опасное, а «бродяга-потаскун», сопровождавшееся сальным подмигиванием, – непристойно-пренебрежительное. С другой стороны, слова «амазон из Архипелужка» она произнесла нейтральным тоном, так что вывод напрашивался сам собой.

– Сави, – подал голос мужчина с ребенком, – зачем пугаешь паренька?

В тоне, каким это было произнесено, явственно слышались кокетливые интонации. Медальон их не приняла.

– Помолчи! – отрезала она. – Занимайся дитем и не лезь в женские дела.

Глаза светловолосого повлажнели. Белаван стоял, растерянно оглядываясь, с навязчивым ощущением, что здесь кто-то с кем-то поменялся ролями.

Девица продолжала:

– Ладно, кто бы ты ни был, красавчик, иди за мной.

Она повернулась на каблуках и, пройдя мимо расступившихся мужчин, скрылась в доме. Помедлив, Бел двинулся следом, сопровождаемый двумя воительницами

с мечами наголо.

Внутри обнаружились узкий холл и каменная лестница. Шаги Медальона доносились уже со следующего пролета. Слегка подталкиваемый в спину конвоиршами, де Фей стал подниматься, на ходу рассматривая потертые и выцветшие гобелены на стенах, изображавшие в основном сцены батального характера. Сквозь разбитое окно между этажами задувал ветер.

Лестница закончилась распахнутыми дверями, ведущими в залу – просторную, занимавшую весь второй этаж. Возможно, раньше ее декор впечатлял, но времена те давно прошли. Полотнища когда-то алой, а теперь грязно-бурой материи частью драпировали стены, частью бесформенными пыльными кучами лежали по углам. Из мебели целыми оставались лишь пара кресел да массивный деревянный трон, хотя и слегка покосившийся.

Вокруг трона стояли и сидели на корточках пять девиц, все как на подбор худые, коротко стриженные, в черной коже, вооруженные короткими мечами и арбалетами. Дыры в широком мозаичном окне прикрывали куски все той же бурой материи.

На троне сидела маленькая женщина. Бел остановился, рассматривая ее.

Лет около тридцати, лицо полное, мягкое, с округлым подбородком. На левой щеке большая родинка. Золотой обруч перехватывал черные волосы, заплетенные в две длинные, до пояса, тугие косы. Одета в синюю, вышитую золотом тунику, кожаные брюки в обтяжку и замшевые ботфорты до коленей.

– Ваше Высочество, вот он. – Медальон отступила в сторону, позволяя присутствующим рассмотреть де Фея.

Он заметил, что две сидящие возле трона девицы, не вставая, переместили свои взведенные арбалеты так, чтобы направить наконечники стрел в его сторону.

– Ближе, – негромко произнесла черноволосая. – Подойди ближе.

Бел сделал несколько шагов, волоча за собой шпагу. Кто-то негромко присвистнул, охранницы слева тихо заговорили, обмениваясь, как показалось

Белу, скабрезными замечаниями.

– Как тебя зовут?

Он неловко поклонился и сообщил:

– Белаван де Фей… э-э…

– Ваше Высочество, красавец, – подсказала Медальон.

– Бел де Фей, Ваше Высочество, красав… гм… – Он смущенно замолк под многочисленными взглядами.

– В твоем произношении чувствуется диковинный акцент. Мне сказали, что ты, возможно, из Архипелужка. – Голос Ее Высочества был мягок и журчал как ручей. – Это правда?

Перед Белаваном вновь встала проблема выбора. С одной стороны, он ничего не знал о местном политическом устройстве и мог быть легко уличен во лжи, но с другой – ляпнуть сейчас, что ты, вообще-то, из другого мира и все вы, мол, находитесь в шляпе циркового фокусника, было равносильно признанию себя законченным психом. Интересно, как здесь к ним относятся? Покосившись на оружие в руках охранниц, Бел сказал:

– Да, это правда.

– Из какого клана?

Он замялся всего на секунду и выпалил:

– Клан железнодорожников.

– Клан Железных Дорожников? – Ее Высочество посмотрела на Медальон, и та отрицательно качнула головой. – Никогда не слыхали мы здесь о таком. Впрочем, кланы амазонов Восточного Архипелужка многочисленны. Однако глаза тамошних братьев узки и раскосы, твои же обычны, как у нас…

– Железнодорожники все такие, – заявил Бел. – Не видел среди них ни одного узкоглазого.

– Возможно. Что ты делаешь в Арре, Белаван де Фей?

– Я… э-э… – Он запнулся, посмотрел в спокойные глаза Ее Высочества и с надеждой закончил: – Гуляю.

Медальон пренебрежительно фыркнула, а Ее Высочество уточнила:

– Ищешь работу?

«Ага!» – сказал сам себе Белаван, сообразив, кем в понимании жителей Арры должен, по-видимому, являться заблудший амазон. Уже более уверенным тоном он заявил:

– Да. Хожу вот… гм… ищу работу…

В зале наступила тишина, пока маленькая женщина что-то обдумывала.

– Может быть, ты присоединишься к нам, Белаван де Фей? – наконец спросила она.

– Я… – Он запнулся и, чувствуя кожей спины обнаженные клинки позади себя, добавил: – Согласен.

Ее Высочество кивнула, будто и не ожидала другого ответа, и сказала Медальону:

– Савимур, пусть его накормят и покажут ночной пост.

В сопровождении порученицы – а именно так, по-видимому, можно было назвать должность, в которой при Ее Высочестве состояла Медальон, – Бел спустился в подвал дома, где обнаружил столовую. Похоже, время ужина уже миновало, но мужчина в переднике принес ему миску с остывшим блюдом, напоминавшим плов, деревянную вилку и кружку жидкости, самым близким аналогом которой в родном мире де Фея являлось подкисшее дешевое пиво.

Пока внизу Бел ковырял вилкой в миске и давился пивом, на втором этаже между Ее Высочеством наследной Вессантрой Матхун и главной помощницей Савимур имела место беседа. Наследная Вессантра к тому времени покинула трон и стояла, облокотившись о подоконник, возле окна, рассматривая сквозь разноцветную мозаику озаряемый кострами замковый двор и притихших мужчин.

– Не поспешила ли ты, Вес, – начала Савимур, подходя к ней (из всех находившихся сейчас в замке она одна могла позволить себе так обращаться к Ее Высочеству, ибо приходилась ей сводной сестрой), – приняв на работу этого дылду? Нам ничего не известно о нем.

– По-моему, просто скиталец из Архипелужка, – заметила Вессантра. – Вполне обычный. Только как-то неуверен в себе.

– Но вдруг он шпион?

– Бог мой, чей же?

– Зигрии Матхуна.

– Этого не может быть, Сави. В чем смысл его открытого появления здесь?

– Возможно, чтобы докладывать Зигрии о наших передвижениях.

– Уверяю тебя, брат прекрасно знает, где мы сейчас находимся.

Сави внимательно посмотрела на уставшее лицо сестры и госпожи, а затем перевела взгляд за окно, где свет клонившегося к горизонту солнца быстро тускнел. Она смотрела сквозь красный фрагмент мозаики, который придавал открывавшейся внизу и без того достаточно неприглядной картине зловещий оттенок.

– Ты ожидаешь нападения этой ночью?

– Возможно, – согласилась Вессантра. – Зигрия, конечно же, постарается не допустить того, чтобы мы достигли Стопы Санчи к началу праздника Свечи. Не исключено, что сегодня ночью его хамелеоны атакуют замок. Поэтому каждый человек, пусть даже мужчина, в верности которого мы не уверены, на счету.

– Все же я совсем не доверяю ему.

– Ты изначально не доверяешь мужчине с оружием.

– Да, – согласилась Савимур. – Я всегда говорила – мужчины должны уметь показать себя у плиты и в постели, а не в бою.

– И все же используй его.

– Хорошо. Я поставлю амазона на башню у ворот. Там самый слабый участок.

– Я думала, все будут охранять лишь этот дом.

– Мужчины и дети будут ночевать здесь. У меня всего девять воительниц, Вес. Девять с половиной и этот дылда. Я поставлю его на башню.

– А кто эта «половина»?

– Малышка Деби. Наша… скромница. Наследная Вессантра произнесла укоризненно:

– Не смейся над ней, Сави. В любом случае она не виновата в своей наследственности и неудачном воспитании. И не опасно ли…

– Не опаснее, чем игра на клавесине и чтение мужских романов, – решительно заключила Савимур.

На другом конце бесконечности от старого замка и мира Цилиндра, совсем в другой реальности цирковой поезд остановился на запасном пути центрального городского вокзала. Заспанные грузчики принялись выгружать ящики и коробки. Поднялась вялая, сонная суета. Кто-то требовал немедленно подать грузовики, которые должны отвезти всех в специально арендованную дешевую гостиницу,

кто-то монотонно ругался над клетками со спящими зверями… Среди бродивших по платформе людей выделялась сутулая фигура в черном костюме.

Выпячивая лошадиную челюсть, исподлобья буравя окружающих мрачным взглядом, А. Левенгук кое-что искал.

Все-таки Белаван недоспал положенное природой время и, поев, почувствовал сонливость. Поддаваться ей сейчас было нельзя – перед ним уже предстала Савимур и с нескрываемым пренебрежением осведомилась:

– Ты и впрямь умеешь обращаться с этим?

Бел критическим взглядом окинул свою шпагу. Оружие представляло собою распрямленную кочергу, заточенную с одного конца и утолщавшуюся к другому, где насажено широкое деревянное кольцо, так сказать гарда. Шпага вышла тяжелой, с начисто отсутствующей балансировкой, но за полгода достаточно регулярных упражнений Белаван научился управляться с нею почти так же, как и с ее более изящными сестрами в фехтовальном зале интерната. Правда, колол он исключительно огородное пугало…

Интеллигентность часто сопровождается неуверенностью. Если судить поверхностно, то Белаван де Фей и был таким недотепой, но – и об этом очень мало кто знал – под толстым слоем мякоти в его организме присутствовал стержень, твердостью намного превосходящий железо его шпаги. Просто этот стержень крайне редко напоминал о себе. Теперь же Бел чувствовал, что должен демонстрировать окружающим абсолютную уверенность в себе.

– Хочешь проверить? – небрежно осведомился он, выходя следом за Савимур во двор.

– Я бы проверила, да лень сейчас. Следуй за мной.

Когда они миновали догорающие костры, мужчина, который неумело заступился за де Фея часом раньше, помахал ему рукой. Кивнув в ответ, Бел остановился перед дверями башни.

– Будешь дежурить на крыше, – приказала Савимур. – Чуть позже пришлю тебе напарника… напарницу. Если увидите, что кто-то пытается проникнуть в ворота или карабкается по стене – поднимайте тревогу. Стучите, кричите, свистите – вас услышат. Знаешь, как сладить с хамелеонами? Вижу, не знаешь. Они могут иметь разный вид, но, вообще-то, все всегда соответствует: то, что сверху, – голове, по бокам – рукам, а снизу – ногам, даже если там лапы или какие-нибудь… ложноноги. Их и руби… в смысле коли, этой хреновиной и рубить-то нельзя. Вопросы есть?

– Дежурить до утра? – спросил Бел.

– Ясное дело.

– А утром что?

– Красавец, ты не слышал, о чем говорила Ее Высочество? Ты следуешь за нами, вот и все.

– Да, но куда мы идем?

– Через четыре дня к полудню мы должны попасть в Стопу Санчи на праздник Зажжения Свечи. Мы пересечем Харпулко, пройдем Недотычки, полоску Хаоса, преодолеем Путь Безумного Фуна вдоль Эхоловных пещер и Большого Водопада… Если испугаешься… что, по-моему, и произойдет… Что ж, тогда убежишь в первый подходящий момент. Хотя, по мне, ты исчезнешь этой же ночью. – Воительница развернулась и зашагала обратно к каменному дому.

– А кто мой напарник… напарница? – крикнул Белаван вслед.

– Хм… напарница… – Савимур, не останавливаясь, повернула голову. – Дебора Анчи, малышка Деби. Рубаха-девка. Будешь за ней как за каменной стеной.

Внутренние помещения башни мало чем отличались от тронного зала, разве что здесь не было гобеленов. Крышу, круглую площадку с низким парапетом и люком в центре, казалось, обдували все ветры мира Цилиндра.

До утра замерзну, подумал Бел, выглядывая из-за парапета. Отсюда были видны двор с бурыми пятнами догорающих костров, каменный дом и часть замковой стены. Бел пересек крышу и выглянул с другой стороны. Лес, за лесом – невысокая гора. И за горой…

Бел де Фей замер, разинув рот.

Он привык к обширным лугам и далеким степным горизонтам, а здесь… Горизонт, конечно, имелся, но гораздо ближе, чем ему положено, – ближе и выше. Казалось, со всех сторон от края земли поднимается высоченная, темная, полускрытая дымкой стена, верхний конец которой теряется в облаках. Серое, быстро темнеющее небо напоминало не купол, а плоскую крышку, накрывавшую узкую высокую кастрюлю. Крышку, состоящую из воздуха и облаков. Белаван закрыл рот. Он ожидал чего угодно: иной вселенной с иными законами, чудесного, невероятного мироздания, но никак не столь банальной, можно сказать пошлой, аналогии.

– Выходит, я и в самом деле внутри цилиндра? – пробормотал он. – Неужели просто уменьшился?

И еще в мире, где женщины поменялись ролями с мужчинами, мысленно добавил Бел, наблюдая за созданием, показавшимся из люка в центре крыши.

Создание было небольшого роста, облачено в облегающий свитер и длинные, до колен, шорты из материи, которую в мире де Фея назвали бы грубо обработанной голубой джинсой. Ниже колен ноги скрывали шерстяные гольфы и тупоносые ботинки на металлических застежках. Лицо, отличавшееся здоровой розовощекостью, имело треугольную форму, узкий подбородок, губы бантиком и светло-зеленые глаза, которым лишь чуть-чуть не хватало до того, чтобы о них можно было сказать «размером с блюдце». На голове косо сидела кепка с круглым козырьком, короткие кудряшки торчали из-под нее во все стороны, абсолютно белые, словно льняные. Такого же цвета тонкие брови и легкий пушок на обнаженных до локтей руках.

– Ап! – звонко произнесла девица, выпрыгивая на крышу. – Приветик, красавчик!

Бел заметил, что в шортах два ремня: один, как и положено, охватывал талию, а второй, свисающий до бедра, поддерживал короткие ножны. Из правого рукава

торчали кожаные петельки, в которые были вдеты дротики с желтым оперением.

– Ну, что мы тут имеем? – Девушка остановилась, запрокинув голову и глядя на де Фея снизу вверх.

– Белов… Бела… Как тебя звать-то?

– Белаван де Фей, – представился он. – Можно просто Бел. Ты – Деби?

– Угу. Я слыхала про амазонов. У вас вроде как совсем нет женщин, а? Вы похищаете или покупаете мальчиков из окрестных селений Архипелужка и воспитываете их на свой манер. И говорят, все вы там… розовые. Ты тоже?

– Я – нет, – заверил Бел, не совсем понимая, что имеется в виду.

В манере держаться, которую демонстрировала белобрысая, в нарочито простонародном говорке чувствовалось какое-то преувеличение, будто она пыталась казаться такой, какой на самом деле не являлась.

– Что ж, это хорошо. – Деби обошла крышу, выглядывая через бордюр, и, вновь подойдя к Белавану, подмигнула ему. – Значицца, нам тута куковать всю ночь… – Она подошла ближе. – Может, – девушка примерилась и не очень уверенно попыталась ущипнуть его пониже спины, – тогда…

Это было уже слишком. При всем своем миролюбии Белаван не терпел фамильярности.

– Что «может»?! – рявкнул он, нависая над ней. Деби отпрянула, он схватил ее за локти и, легко приподняв, поставил на бордюр. – Может, на спор пройдешь круг по краю? – повысил он голос. – Можешь? Нет? А я могу, запросто! Так что не строй из себя… не строй… – Он умолк, затруднившись с определением того, кого именно она могла из себя строить.

Когда Бел убрал руку, Деби пошатнулась, и он, поспешно схватив ее за локоть, помог спуститься.

– Что ты делаешь? Ты не должен так! – воскликнула девица, отступая. – Я знала, знала!.. Почему они так ко мне относятся?!

Белаван, немедленно почувствовавший раскаяние, пробормотал:

– А что я должен был делать?

– Смущаться! Опасаться! Кокетничать! Нам ведь предстоит провести здесь всю ночь! На-е-ди-не!

– Ну и что?

Она стащила с головы кепку и вытерла козырьком глаза. Во тьме – а тьма уже наступила, и небо слилось с опоясывающей мир Круглой Стеной – смутно белели короткие волосы на ее голове. Белаван посмотрел вверх.

– Понимаю, ты же амазон, не то что наши хлюпики, и поэтому ведешь себя как женщина. Но Сави не верит в твою преданность и поставила тебя подальше от Ее Высочества. И меня вместе с тобой…

– Послушай! – перебил Бел, указывая пальцем вверх. – Что это?

Деби подняла голову.

Небо напоминало торт, покрытый черной шоколадной глазурью и разрезанный на множество тонких треугольных кусков. От невидимого края Круглой Стены, деля небо на одинаковые радианные отрезки, тянулись прямые белесые полосы. Они сходились в центре, точно над замком, в том месте, где пульсировал шафрановыми сполохами продолговатый сгусток какой-то фантастической застывшей субстанции. Всякий раз, когда из центра расплескивалась зарница, волны желто-розового мерцания стремительно разбегались по полосам и одновременно гасли, высвечивая при этом идеально круглую поверхность верхнего края Стены.

Ночной мир напоминал огромный темный шатер с расчерченным бледным узором куполом. Удивление поднялось и волной набежало на рассудок де Фея. Белаван еще не знал, что это лишь предвестие бури, настоящего шторма

изумления, которому предстояло отныне все более мощными валами захлестывать берега его сознания.

– Что это? – повторил Бел хриплым шепотом.

– Млечная Сеть, – удивленно сказала Дебора и указала на центральное световое пятно. – И огонь Мировой Свечи. Разве в Архипелужке его не видно?

– Нет, – пробормотал Бел. – Я никогда не…

– Но это же очень странно! – перебила девица. – Как на востоке вы можете ничего не знать о Сети и Свече? О том, как она медленно угасает в течение года, до тех пор, когда во время праздника Зажжения Свечи Посвященная Шанго из Стопы Санчи не разжигает ее своей магией?

Белаван глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Объясни мне, что к чему, а? – попросил он. – Мы, амазоны, очень… э-э… темный народ. Кто такая Ее Высочество и почему вы все направляетесь в Ступу?

– Стопу, – поправила Дебора. – Я не понимаю, как это может быть, чтобы вы ничего не слышали о Стопе Санчи?

– Ну, так вот случилось, – неопределенно откликнулся он.

– Кажется, амазоны действительно очень дикий народ. В общем, все это, – она взмахнула рукой, – называется Кабукой. Арра – ее центральная область. Много десятилетий здесь правил король Аруаз Матхун, но недавно он скончался, оставив двух наследников – сына Зигрию и дочь Вессантру – и не написав завещания. То есть некоторые говорят, что завещание с прямым указанием на то, кто, по мнению старого короля, должен править после него, было. Но Зигрия Матхун позаботился о том, чтобы его уничтожили до оглашения. Уже давно такие серьезные споры в Кабуке решает Посвященная Шанго, Поверенная Богов, как она себя называет. И все мы отправляемся к ней. Она скажет, кто теперь станет править Аррой – Зигрия или Вессантра.

– Вы – это?..

– Преданные женщины наследной Вессантры. Пришлось взять наших мужей и детей с собой, чтобы Матхун не захватил их и не стал шантажировать Ее Высочество.

– Значит, Матхун остался?

– Нет, конечно же, он со своим отрядом тоже отправляется в Стопу, но в Арре у него есть приспешники.

– А где находится Стопа?

– В Санчи, естественно. На границе Цилиндра.

– Ага! – воскликнул Бел. – Значит, вы знаете, что живете в цилиндре?

– Конечно. – В голосе Деби послышалось недоумение. – Не говори, что ты и этого не знаешь! Где ж еще? Есть Дно, есть Круглая Стена… Как же по-другому можно назвать такую… форму?

– Нет, нет, я имел в виду, что это лишь шляпа, шляпа фокусника…

– Какая шляпа? Я не понимаю тебя, амазон.

– Меня зовут Бел. Ладно, забудь о шляпе. Про каких хамелеонов говорила мне Савимур?

– Слуги Зигрии. Он, как и большинство правителей в Кабуке, посещал Стопу во время предыдущих праздников Свечи. Шанго сказала, что может обратить его слуг в каких-нибудь тварей, если это поможет им лучше выполнять его поручения. То есть она предложила это всем, но никто, кроме Зигрии, не согласился. А он нанял несколько бродяг и воришек. Посвященная, спустившись из Стопы, сделала их хамелеонами. На празднике Свечи точно в полдень, через четыре дня, они, по словам Шанго, вновь станут людьми. Тех из них, кто согласится, она вновь превратит, но уже в каких-нибудь других зверей – по их выбору и выбору Матхуна. Шанго, как мне говорили, была очень довольна, что Зигрия согласился найти людей для подобного опыта, и потому мы боимся, что решение о следующем правителе Арры окажется предвзятым.

– Обязательно надо заглянуть в эту Стопу, – решил Бел. – Очень интересно…

– Что это? – воскликнула Деби, когда за спиной стоявшего у края крыши Белавана посыпались камешки.

Де Фей развернулся, от неожиданности выпустив шпагу, и выглянул за бордюр.

По стене башни к ним приближалось что-то темное и косматое, с большим количеством шевелящихся конечностей.

Он не умел свистеть. В детстве это было причиной насмешек однокашников – хотя в интернатской иерархии мальчишеских достоинств умение свистеть вовсе не стояло на первом месте, – а с возрастом стало вообще не важным, хотя как раз сейчас могло и пригодиться. По крайней мере, пронзительный, переливчатый свист в данном случае мог бы привлечь внимание кого-нибудь в доме посреди замкового двора.

Пытаясь нашарить в темноте шпагу, Бел вытянул губы трубочкой и издал тонкое шипение, какое могла произвести маленькая растревоженная змейка; затем, правой рукой нащупав оружие, сунул в рот указательный и средний пальцы левой и сильно дунул. Раздалось сдавленное пшиканье, будто из чайника с узким носиком выкипала последняя вода.

– Тревога! – звонко заголосила Дебора. Подняв шпагу над головой, Белаван вновь выглянул за бордюр.

Он не мог хорошо разглядеть, какое именно существо подбиралось к краю крыши, но видел, что очертания этого существа самые зловещие. Из-под ночного пришельца сыпались мелкие камешки, каждый раз, когда одна из длинных конечностей рывком подтягивала тело вверх, раздавалось тихое цоканье – когти стучали по камням стены.

– Проснитесь! Опасность! – кричала сзади Деби.

Бел обернулся, увидел, что девушка, размахивая руками, стоит у противоположного края крыши, и в два прыжка присоединился к ней.

В окнах внизу замерцал свет. Распахнулись двери, наружу высыпали воительницы с факелами. Тут же слева под башней раздался треск, – кажется, там кто-то разворотил ворота. Фигуры с факелами быстро рассыпались в стороны. Прыгающий свет озарял мохнатые и чешуйчатые тела тех, кто ворвался в замковый двор.

Деби ойкнула. Белаван развернулся и увидел, как их персональный ночной кошмар перевалил через бордюр. Некоторые из персонажей произведений о Гремучем Жорже всплыли в его памяти. Де Фей все еще не мог разглядеть подробностей, но теперь более четко представил себе, с кем они имеют дело. Ничего другого ожидать и не приходилось.

Мохнатый паук. Шесть – или, возможно, восемь – многосуставчатых лап, жвала, когти и фасетчатые глаза-мячики… – Воображение дорисовывало подробности.

Цокая когтями по камням, монстр приближался.

– Убей его! – зашептала Дебора Анчи. – Убей, убей!

– Прости, но ты же, – Белаван указательным пальцем поправил дужку очков и, неловко взмахнув шпагой, шагнул вперед, – воительница, Рубаха-девка. Ну так дерись!

Качаясь, паук побежал к ним, и де Фей наугад ткнул шпагой. Плохо заточенный кончик ударил во что-то тугое, напоминавшее резиновую подушку.

– Ух ма! – раздалось из темноты. – Чтоб тебя развернуло да подбросило!

Паук прыгнул, Бел отскочил, и чудовище опустилось на камни рядом с прижавшейся к бордюру Деби. Белаван, описав шпагой широкую дугу, подсек пауку лапы, а затем, вцепившись в мохнатую шерсть на узком боку, поволок противника по крыше в обратную сторону.

– Отлезь! – взвыл паук. – Я ж тебя сейчас… – Тут он произнес ругательство, никак, в понимании де Фея, не вяжущееся с персонажем сказочных романов: – Гадина очкастая!

Внизу, в замковом дворе, слышались плач детей, истеричные визги мужчин и боевые выкрики женщин.

Вверху, на крыше башни, впервые в своей жизни на полном серьезе сражался Белаван де Фей.

Схватившись за противоположные концы шпаги, он навалился на паука, прижимая его к камням. Снизу раздавалось пыхтение и сдавленные проклятия. Продолжая налегать изо всех сил, Бел поднял голову.

Дебора стояла у бордюра, прижимая ладонь ко рту. Из тьмы за ее спиной стремительно надвинулось что-то, и в одно мгновение фигуру с белеющими кудряшками унесло в ночь.

– О-о-ой! – Тонкий крик прозвучал над головой Бела и оборвался где-то позади.

– Эхха! Подмога пожаловала! – сообщил паук и, как-то ухитрившись освободить одну лапу, заехал Белавану в скулу, чуть не сбив очки и глубоко оцарапав кожу.

Бел крякнул и поднажал.

– Ай-ай-ай! – засипел паук. – Слухай, как человек человека прошу, не дави! Ты ж мне всю ключицу сломаешь!

– Кто это был? – прохрипел Белаван. – Кто ее схватил?

– Чань. Или, может, Хвань. Я откуда знаю? Мать моя женщина! Больно же!

Над головой де Фея прошелестело, что-то очень сильное схватилось за воротник и дернуло его, рывком отбрасывая к бордюру. Бел, вцепившийся в мохнатую шерсть, потащил паука за собой, а потом уже за бордюром выпустил.

– Разверни да подбро-о-ось! – раздался быстро удаляющийся крик.

Мир Цилиндра вокруг размахивающего руками и ногами Бела закружился волчком. Краем глаз слева и справа над собой де Фей увидел кончики взмахивающих крыльев. Подняв руку, он нащупал нечто кожистое, тянувшееся

от невидимого тела к его затылку. Внизу, возле шеи Белавана, оно разделялось на несколько отростков потоньше.

Лапа и пальцы. Де Фей взмахнул шпагой и сильно ударил по лапе.

Прозвучало ругательство на незнакомом языке, пальцы разжались. Темное пространство со свистом рванулось вверх.

Несколько секунд Белаван падал параллельно стене замка, а затем рухнул в грязь и кубарем покатился по склону опоясывавшего замок рва. В самом начале своего пути он выпустил из рук шпагу, а в самом конце вновь повстречался с ней – оружие к тому моменту успело глубоко вонзиться в дно рва, и Бел очень сильно стукнулся лбом о вертикально торчащую рукоять.

Раздался грохот, будто стена мира Цилиндра дала трещину.

Очки Белавана де Фея улетели в одну сторону, а сознание – в другую.

Глава 2

Он то ли проснулся, то ли очнулся, когда из-за Круглой Стены уже выплеснулись первые солнечные лучи и самые шустрые из них забрались в ров. Некоторое время Бел лежал, щурясь, а потом сел и покрутил головой, как обычно делал по утрам, разминая шейные позвонки.

И эта процедура стала единственной обыденностью утра. Все остальное было необыденностью. Хотя бы потому, что Белаван де Фей еще ни разу в жизни не просыпался на дне опоясывавшего старинный замок рва, покрытый коркой грязи, в обнимку со своей шпагой… и в ином мире. Если даже оставить без внимания такие несущественные детали, как грязь, ров, замок и иномирье, то, честно говоря, ему пока ни разу не доводилось просыпаться в обнимку с кем бы то ни было.

Тем временем солнечные лучи озарили мир Цилиндра, затеяв игру в догонялки с тенями. Бел увидел, что дверь в воротах выворочена напрочь. Он подошел к ней

и осторожно заглянул.

В замковом дворе тени пока еще преобладали, но уже хорошо были видны разбросанные по земле почерневшие угли. Пять минут ушло на то, чтобы обойти двор и заглянуть в дом, где вчера расположилась наследная Вессантра.

Нигде никого. В зале на втором этаже он заметил несколько сломанных стрел и меч, снаружи, между кострищами, валялись копья, пара щитов и тряпичная кукла. И все.

– Есть кто-нибудь? – несмело крикнул Бел, уверенный, что здесь никого нет.

Однако ему ответили. Но не из замка и не из замкового двора. И даже не ему. И если уж на то пошло, не ответили.

Просто откуда-то из леса за стеной вдруг донесся визг. Перехватив шпагу за рукоять, Белаван выбежал со двора и загрохотал каблуками по доскам неподъемного моста.

Антон Левенгук сопоставил все факты и пришел к определенному выводу.

Надо было действовать, и немедленно.

Связавшись с начальством цирка, в котором должна была выступать труппа, Левенгук сообщил, что вечернее представление пройдет без его фокусов, и выразил надежду, что это не скажется на количестве проданных билетов. Начальство потупило глаза – оно считало, что если это и скажется на количестве проданных билетов, то в смысле его увеличения. Верно истолковав реакцию начальства, Левенгук в тихой ярости ушел.

Вскоре у вокзала появилась запряженная старой лошадью двуколка, в которой восседал Левенгук, причем по какому-то неизъяснимому стечению обстоятельств морда лошади – вытянутая и скорбная – сильно смахивала на лицо управлявшего ею фокусника. Только без выражения упрямой решительности, преобладавшей сейчас в физиономии Антона Левенгука.

Медленным шагом лошадь двинулись вдоль железнодорожного полотна прочь от города.

Мохнатый паук мелко дрожал, прижавшись к могучему узловатому стволу, а Дебора стояла над ним с зажмуренными глазами и размахивала коротким мечом. Она уже не визжала. Подбегая к ним, Бел осознал, что непосредственная опасность никому из присутствующих не угрожает, и потому притормозил, чего делать не следовало. Ритм движения его длинных ног сбился, и они тут же запутались в высокой траве.

– Привет! – гаркнул Бел, жизнерадостно грохаясь на землю.

Белобрысая замерла с поднятым мечом, открыла один глаз и покосилась на Бела. Паук, выпрямив лапы – их оказалось шесть, – задрал две под неестественным углом и принялся остервенело чесать волосатое брюхо. Деби открыла второй глаз и медленно опустила меч.

– Ты жив? – произнесла она. – Я… я рада. И всхлипнула.

– Совсем сбрендила девка, – проворчал паук и, бочком протиснувшись вдоль ствола, отскочил от нее.

Бел поднялся из травы и через мгновение вдруг с удивлением обнаружил прижавшуюся в его груди белокурую голову. Де Фей обнял Дебору за талию, растерянно рассматривая пребывавшие в живописном беспорядке белые пушистые кудряшки разной длины и степени закрученности.

– Я думала, тебя убили! – лепетала Деби в форменную куртку. – И всех убили!

– Ну… э-э… – Бел слегка хлопнул ее по спине. – Ты… это… не беспокойся.

Паук прокомментировал:

– Решила, я тебя кокнул. И как набросится! Я сейчас просто не в форме малехо, а то бы показал дурище, как надо драться.

– Прекрати! – повысил голос Бел, пытаясь сообразить, надо ли попробовать отстранить от себя Деби или и так хорошо.

– Почему? – удивился паук.

– Ты… плохо выражаешься.

– Да ну, правда, что ли? Эй, паря, чего ж я такого сказал?

Между тем приглушенные лепетания прекратились, Деби отступила и, энергично протерев глаза кулаками (ее меч лежал в траве рядом со шпагой де Фея), спросила:

– Как ты спасся?

– Я просто упал в ров и потерял сознание, – разъяснил Белаван. – А очнулся уже утром.

– Ты видел кого-то из отряда наследной Вессантры?

– Нет. Там только мечи и стрелы валяются. А ты? Как ты спаслась?

Паук влез с очередным саркастическим замечанием:

– Ну, заладили, разверни да подбрось! Воркуете, как два общипанных голубка. В смысле, как голубь и голубица. Мерзко слушать.

Сверхтвердый титановый стержень в организме де Фея напомнил о себе – Бел поднял шпагу и, продемонстрировав ее членистоногому, вежливо произнес:

– Еще раз разинешь рот, то есть жвала, и скажешь что-нибудь оскорбительное – получишь этим по брюху, понял?

– Понял, чего же не понять? – Паук отскочил и присел. – Все понял, дылда очкастая. Токмо это я к тому, что вы много болбочете, а толку – шиш.

– Ты хочешь сказать, что при большом количестве слов наш диалог несет в себе не слишком большой заряд информативности, да?

– Во-во, ее самой, – подтвердил членистоногий. – Информ… этой… фигу с хреном, короче, он несет.

Бел повернулся к Деби и, поправив очки, произнес:

– В чем-то он прав. Я предлагаю рассказать все друг другу по очереди.

– Нет, – спустя пять минут произнес Белаван. – Я повторяю, если бы их всех убили, остались бы тела. Наверное, их взяли в плен.

– Точно, паря, – согласился паук. – Не было такого приказа. Старшая сказала – всех повязать и доставить к ней.

– Вот видишь. Нашему новому знакомому сейчас незачем врать.

Деби с сомнением и недоверием посмотрела на паука.

– Я не вру, точняк! – возмутился тот. – Разверни да подбрось, для чего мне врать?

Они медленно удалялись от замка, невысокие шпили которого уже давно скрылись за деревьями. Как выяснилось, истории, происшедшие с каждым, не слишком изобиловали приключениями.

Отлетев от замка на некоторое расстояние и немного снизившись, хамелеон-летун выпустил Дебору, которая упала в густую крону высокого дерева, где и застряла, не получив повреждений, а лишь оцарапавшись и потеряв кепку. Спускаться вниз ночью было страшно и небезопасно, поэтому она, то ненадолго засыпая, то просыпаясь, дождалась среди ветвей утра, а утром, очутившись на земле, немедленно наткнулась на паука.

Испытывая природную неприязнь к членистоногим – тем более таких размеров – и думая к тому же, что он и его друзья уничтожили отряд наследной Вессантры вместе с Белом, Савимур, мужчинами и детьми, она достала меч и собралась со всей решительностью искромсать паука на кусочки, во исполнение каковой

программы и закатила истерику, свидетелем которой стал Белаван.

Бел вкратце рассказал о своих приключениях, а вернее, об отсутствии таковых, после чего слово взял паук. Выяснилось, что зовут его Гунь Ситцен и, будучи еще человеком, он проживал в каком-то городке Западной области Кабуки, работая там кучером, а также… Он не стал уточнять, каким именно способом добывал средства на дополнительные кусочек хлеба и стаканчик вина. Но и у Белавана, и у Деборы сложилось впечатление, что воровством и мелким грабежем.

Итак, разъезжая на козлах муниципального дилижанса, а также занимаясь кое-какими темными делишками, Гунь Ситцен нельзя сказать, чтобы процветал. Поэтому, когда к нему и нескольким его дружкам обратился лично Зигрия Матхун с предложением поработать, некоторые из них – и Ситцен в том числе – согласились. Тем более что Матхун пообещал щедро платить за труды.

Захват отряда наследной Вессантры стал, собственно, их первым делом. После того как Бел стянул его с крыши, Гунь почти в точности повторил путь де Фея. Он тоже упал, но только не в ров, а на землю рядом с ним, тоже потерял сознание, а утром, очнувшись и не обнаружив в замковом дворе никого из своих, отправился на поиски, и теперь…

– И теперь мне во что бы то ни стало надо попасть в Стопу к Шангухе за три дня, – заключил он. – Потому как непонятно, по окончании срока я сам собой превращусь обратно или это она должна будет чегой-то со мной сотворить во время праздника Свечи? – По телу паука вдруг прошла волна сильной дрожи, и он добавил: – Слушайте, у вас, часом, травы какой-нибудь нету? Что-то меня колотит…

Дебора окинула взглядом устилавший землю зеленый ковер и вопросительно глянула на Бела.

– Разве ты травоядный? – поинтересовался де Фей.

– Скорее травокурный. Косяк забить хочу. А еще лучше… ну, понял, понял, нету у вас ни травки, ни кашки, ни жероина…

– Нам надо выработать план действий, – заметил Бел через минуту. – Деби, вот ты, к примеру, куда думаешь направиться?

Она, не задумываясь, ответила:

– Если отряд не уничтожен, то продолжает свой путь к Стопе. Но попасть туда можно только по Пути Безумного Фуна, который откроется через два дня. Дорога лежит через город Недотычки. Значит, я иду туда в надежде встретиться со своими. Ты присоединишься ко мне, Белаван де Фей?

– Ну, конечно, – подтвердил Бел. – Ее Высочество наняла меня и пока еще официально не уволила, так что я в любом случае должен постараться ее найти. И потом – мне до смерти интересно взглянуть на…

Его прервал пронзительный, пробирающий до костей визг. С деревьев дождем посыпались то ли желуди, то ли шишки, в небе солнце испуганно скрылось за ближайшим облаком. Бел с Деборой оглянулись.

Визжал Гунь Ситцен. Мохнатое тело припало брюхом к траве, согнутые лапы дрожали, жвала перекосились, а фасетчатые глаза выпучились.

– Что с тобой? – крикнул Бел.

Сквозь визг до них донесся исполненный муки голос:

– Ломка у меня, сечешь, паря? Я два годка на жероине сижу… Матхун говорил… кто это дело принимает – тот не годится… Потому как, говорил, могут быть спонтон… спонтен… спонтанные изменения… Его Шангуха… специально предупредила… Но я… скрыл… что жероином балуюсь…

Бел повернулся к Деби и спросил:

– Жероин?

– Такое… вещество, – пояснила она. – Оно очень сильно действует, говорят… ох!

Восклицание сопровождалось заметным расширением светло-зеленых глаз. Белаван вновь повернулся.

С пауком творилось что-то неладное… В том смысле, что он уже перестал быть пауком.

Его тело, до того похожее на наполненную овсяной кашей миску, по какой-то причине обросшую волосами, медленно вытягивалось, одновременно сплющиваясь по бокам. Шерсть опадала бурыми клочьями, лапы укорачивались и, кажется, уменьшались в количестве.

Дебора покачнулась, Бел поспешно подхватил ее и осторожно уложил на траву, а после глянул на Гуня Ситцена.

Метаморфоза уже завершилась.

Чуть погодя солнечные пчелы перестали жужжать в голове Деборы Анчи, и до девушки начали доноситься голоса. Деби открыла глаза и увидела лазоревый фон с редкими облаками, охряный кружок солнца за белесой дымкой – все это, будто картина, нарисованная акварелью на крышке небес, плотно прикрывающей мир Цилиндра. Дебора села и посмотрела на Белавана де Фея, мирно беседующего с двухметровым сиреневым…

Деби затруднилась с идентификацией, но более всего он напоминал крокодила. У существа была вытянутая пасть с двумя рядами зубов, сужавшийся к концу хвост и равнобедренные кожаные треугольники, тянувшиеся вдоль шеи, позвоночника и хвоста. На лбу у крокодила рос рыжий панковский гребень, а на кончике хвоста имелась аккуратная кисточка, как у пуделя, только что вышедшего из собачьей парикмахерской, – разве что без банта.

Самым поразительным казалось то, что хотя пасть крокодила не обнаруживала решительно никакого сходства с обликом паука (у которого пасть, морда или лицо в обычном понимании вообще отсутствовали), – но по каким-то неуловимым признакам было видно, что и паук, и крокодил суть одна и та же личность.

Несколько секунд Деби размышляла, не хлопнуться ли еще на некоторое время в обморок, но потом пришла к выводу, что в таком виде Гунь Ситцен смотрится, по крайней мере, гораздо менее противно, и отказалась от этой идеи.

– …будет продолжаться четыре-пять дней, а приступы повторятся еще три раза, – пришепетывая, говорил экс-паук. Он, кажется, уже пришел в себя, хотя его упиравшиеся в землю мощные лапы иногда начинали дрожать. – Я знаю, паря, потому как бросал когда-то. Неделя ломки и четыре сильных приступа. Токмо в прошлый раз я, натурально, ни в кого не обращался – мучился, и все! Опосля, конечно, отпускает…

– Но почему ты превратился в… это? – спросил Бел и озабоченно посмотрел в сторону Деби: – Как ты?..

Она кивнула.

– Кто его знает, паря… Жероин выходит из внутренностей и, видать, чегой-то такое вытворяет с натурой. Из меня визг так и прет, слыхал, какую я руладу выдал? И это ж токмо первый приступ, самый слабший. Дальше будет хуже.

– Тебе надо попасть в Стопу, – решил Белаван, когда они вновь двинулись вперед. – Может, эта святая женщина сможет помочь и… – Он осекся под двумя недоуменными взглядами. – Я что-то не то говорю?

– Святая женщина? – прошипел крокодил. – Ты чё, паря? Да Посвященная Шангуха самая ссученная стерва из всех, топтавших Кабуку до и после оцилиндривания!

Если бы охарактеризовать Посвященную Шанго довелось Деборе, она бы выразилась по-другому… Хотя слова Гуня Ситцена точно отражали положение дел.

– Оцилиндривание? – переспросил Бел. – Вы хотите сказать, что раньше она… раньше этот мир… Кабука была другой?

Белаван де Фей, Дебора Анчи и сиреневый крокодил Гунь Ситцен остановились, в изумлении уставившись друг на друга.

– Я не понимаю, – призналась Деби. – Как это может быть – мир в шляпе? Я слышала выражение «мир в кармане», но это только поговорка. Я хочу сказать, шляпа, она ведь… – Дебора свела ладони почти вплотную. – Она ведь маленькая,

да? А мир… мир… – она широко развела руки, будто пытаясь объять необъятное, – мир ведь большой.

– Точняк! – глубокомысленно подтвердил Гунь.

– Тут дело вот в чем… – Белаван задумался, соображая, какой бы пример привести. – У нас как-то жил такой умный человек по имени Альп Штейн… Ну вот, сидел он как-то днем на пустыре под деревом, и на голову ему упало яблоко. Очень, понимаете, маленькое яблоко, но зато с самой верхушки…

А дерево было высокое… Ну вот, он и получил сотрясение мозга. И пока лежал в больнице под присмотром… гм… красивой медсестры, во сне ему как-то привиделась Теория Относительности. Эта теория, как вы сами понимаете, о том, что все в нашей жизни относительно. И расстояния, и размеры, и время. То есть если бы яблоко висело ниже, но было бы крупнее, то падало бы оно меньшее время и преодолело бы более короткое расстояние, а все же результат остался бы тот же – хрясть по голове, сотрясение, медсестра, сон, теория… С другой стороны, если бы яблоко было средних размеров и висело на средних ветках, то падало бы оно среднее количество времени, но опять-таки получилось бы – удар, койка, медсестра, сон, теория… Ну и вот…

– А дальше? – спросила внимательно слушавшая его Деби.

– Ну, дальше он выздоровел, женился на медсестре, изобрел холодильник и, живя на проценты с патента, занялся отрезанием собачьих голов и их дальнейшим оживлением при помощи электроимпульсов. По-моему, именно в такой последовательности.

Некоторое время они шли молча. Воздух ощутимо посвежел – где-то рядом протекала река. Деби спросила сосредоточенным голосом:

– И при чем здесь это? Подумав, Бел осведомился:

– При чем здесь что?

– Ну, твоя теория… Какое она имеет отношение к тому, что Кабука, как ты утверждаешь, находится в шляпе?

– Нет, нет, она не объясняет, как Кабука там очутилась, она говорит о том, что в самом по себе факте нет ничего удивительного. Или противоестественного. Понимаешь, теория говорит нам, что ни время, ни расстояние, ни размеры не имеют принципиального значения… Что большое, оно, понимаешь, видится на расстоянии… И… гм… через некоторое время… и… я… гм… У меня всегда так – умом все хорошо понимаю, а если пытаюсь объяснить словами… Когда я пытаюсь умничать, то всегда говорю глупости – это лейтмотив всей моей жизни. Вот ты лучше скажи, как произошло это ваше оцилиндривание? И когда? И что было раньше?

– Это произошло больше двух лет назад. А до того Кабука была просто большим островом во Внешнем Океане…

– Ага, значит, Кабука – это не целый мир? Всего лишь остров? – уточнил Бел.

– Конечно, просто большой остров… Во Внешнем Океане, очень далеко, есть… то есть были и другие острова, некоторые моряки раньше доплывали до них. В общем, наш мир был обычным, плоским…

– Обычный мир – круглый, – вежливо вставил Бел. – Извини, я тебя перебил…

– Круглый? Не знаю, в пансионе нам говорили, что мир плоский… Ну, в общем, как-то ночью раздался очень сильный грохот, недра земные содрогнулись, и наутро выяснилось, что Кабука свернулась, а земля по ее краям стала… ну, как бы вертикальной… Превратилась в Круглую Стену, вот. Через какое-то время появилась Посвященная Шанго и ее жрицы. Они объявили, что оцилиндривание произошло вследствие неизъяснимой воли Богов, а Шанго – их Поверенная в Кабуке. Она создала Стопу, Путь Безумного Фуна и постепенно стала всем… ну, почти всем здесь командовать. Поначалу-то многие ее не слушали и роптали, но она умеет делать такие вещи…

– То есть она владеет колдовством? – вновь уточнил Бел. – Магией?

– Вот-вот.

– Но магия – это всего лишь другое название процесса постижения тайн природы и взаимодействия между живой и неживой материей…

– Я опять не понимаю, – начала Деби, и тут деревья расступились, явив взорам путников низкие, заросшие осокой берега не слишком широкой лесной речки.

По ней плыл корабль с симметричными, загнутыми вверх носом и кормой, с косым грязным парусом и двумя рядами длинных весел, торчащих из круглых отверстий в бортах.

Сейчас эти весла были подняты наискось к небу, да и ветер совсем не надувал косой парус, так что корабль двигался медленно, повинуясь лишь ленивому течению. Это позволяло хорошо разглядеть овальные щиты, выставленные в ряд над бортом, а также пару торчащих за кормой длинных шестов, на которых висели массивные деревянные клети. В одной из них сидел человек, одетый в костюм с белой меховой опушкой.

Реакция спутников удивила де Фея. Деби, схватив Бела за локоть, отпрянула, а Гунь Ситцен, тихо выругавшись, попятился в кусты.

С корабля донесся свист, над щитами возникло что-то блестящее.

– Северянки, паря! – простонал Ситцен, пытаясь развернуться и ломая ветки хвостом. – Трахнутые по башке берсеркши!

Ряд весел опустился, вспенив воду, и корабль повернул к берегу. Дебора, тянувшая Бела в лес, зацепилась за примятые хвостом Ситцена кусты и с размаху уселась на землю. Несколько фигур перемахнули через борт корабля и заспешили по мелководью.

– Да что ты? – сказал Белаван Деборе, которая сидела, широко расставив ноги, откинувшись назад и упираясь в землю руками. – Смотри, какие забавные!

Их было пятеро, все облачены в просторные серые одежды, вооружены либо двуручными мечами-эспадонами, либо топорами-лабросами. У всех на головах жестяные ведра с прорезями для глаз и короткими загнутыми рогами.

Путешественников тут же окружили три десантницы, а еще две устремились в лес за крокодилом. Тому не удалось скрыться, его поймали и приволокли назад за хвост. Ситцен громко ругался и хлопал на обидчиц пастью.

Способ, которым путников подняли на борт, отличался немудреной простотой. Схватив каждого за руки и ноги (а Ситцена – за все четыре лапы), северянки раскачали их и забросили на палубу, сами же поднялись следом по удерживаемым в горизонтальном положении веслам, как по ступеням. Корабль, дощатая палуба и могучие фигуры, по этой палубе расхаживающие, напомнили Белавану некоторые гравюры из учебника истории ранних веков, который он штудировал в интернате.

Самая мощная северянка нависла над ними, сидящими посреди палубы, и медленно сняла шлем-ведро. Под шлемом обнаружились крупное скуластое лицо, пронзительные льдисто-голубые глаза, низкий лоб и русые волосы.

Положив боевой топор размером с пирс-волнорез на палубу, северянка произнесла, глядя на волосы Деби:

– Кл’янусь богом Туром и его Л’етающим Зупилом Мёльни-Пёльни – молотая гунка, ее мужч’ина и ее… – она окинула взглядом Ситцена, – ее ручной нев’етомый звер’ек!

– Я не гунка, – возразила Дебора, приглаживая волосы ладонями.

– Нихт? Потшему такта твой волос св’етел? Может, ты – вига?

– Нет.

Льдистые глаза уставились на Бела и довольно долго разглядывали его.

– Дер гут! Интер’есный образчик западного т’ипа мужской красоты. Гд’е ты отхват’ила такой лакомый кусок, не-гунка и не-вига? Хот’я мне это пезразл’ично. А куда пот’евались твои косы, юноша? Как мы буд’ем играйт в «эй, сестрица, отсеки косицу!» с такой скудной поросл’ю?

– Вы что, с ума сошли? – возмутилась Деби. – Ни в какую «косицу» вы с ним играть не будете!

– Молчайт! – Великанша прервала ее, топнув ногой так, что корабль качнулся. – Ты буд’ешь открывает свой мал’енкий рот’ик, только когда я, Свонна, разрешайт

теп’е стелайт это! А я – не разрешайт. В кл’етку их!

– Не, ну ежели не везет, дык не везет по-крупному, – бормотал Ситцен, пока одна часть русоволосых дам тащила их по палубе, а вторая разворачивала шест, подтягивая к корме клетку. – Это ж сама Свон-на Лагерлефша, повелительница варяжек! Снежная Свонна, во как!

– Повелительница варежек? – удивился Бел, водворенный в клетку вслед за Деборой через специально приоткрытую для этого дверцу.

– Варяжек, паря! А также гунок и вигок, в общем – викингок. Разверни да подбрось, уж попали так попали!

Дверца была заперта на висячий замок, а шест повернут – и клетка закачалась над водой. Узник из соседней клетки лежал в дальнем углу, так что в просветах между прутьями виднелся лишь белый пушистый мех его куртки и штанов.

– Эй! – окликнул Гунь собрата по несчастью, но тот не отреагировал. – Эй! Жмурик, что ли?

– Не говорийт! – грозно рявкнула им оставшаяся на корме северянка. – А если говорийт – то тихо-тихо. А не то… – Она молодецки взмахнула топором, изображая, что может произойти.

Ситцен улегся на прутья, просунул хвост под брюхом и принялся истово сосать рыжую кисточку на конце, потворствуя, видимо, таким способом одолевавшему его дурманно-курительному рефлексу.

– Что за игра «эй, сестрица, отсеки косицу»? – тихо спросил Белаван у Деби, устало прислонившейся к прутьям. – Какая-нибудь считалка?

– Ну да! – обрадовался Гунь. – Ты, паря, поиграйт с ними в эту считалку – и станет твой кумпол как попка младенца.

Деби пояснила:

– Любимое их развлечение. Так викингши поступают со своими мужьями, если заподозрят их в измене. Ну или когда им хочется заподозрить их в измене. Или когда напьются – то есть, наверное, почти каждый вечер – и решат, что пора заподозрить кого-нибудь в измене. В общем, такого мужа ставят возле стенки, а три его косы крепят вверху и по сторонам от головы. А сомневающаяся жена бросает по очереди три топора. Если топоры перерубят все три косы, то тогда муж признается неверным. Хотя в верхнюю косу попасть очень трудно. Ну а если ему чего-нибудь такое снесет… ну там, к примеру, голову… так это значит, что он на самом деле не изменял и чист пред женой своей. Правда, потом пользы от него уже, как правило, никакой.

Бел мысленно повторил услышанное. Пораскинул мозгами и повторил еще раз.

– Не понял, – признался наконец он. – В чем же смысл? Они так постепенно изведут всех своих верных мужчин, а неверные останутся… где логика?

Деби некоторое время молчала, нахмурив лоб, затем задумчиво произнесла:

– Ты знаешь, а ведь верно, не получается… Но, может быть, весь расчет на то, чтобы неверные мужья как раз и оставались – северянкам так, может, веселее живется, да и всегда остается повод поиграть в «эй, сестрица, отсеки косицу»?..

– А еще они все поголовно берсеркши, – вставил Гунь. – Знаешь, чё это такое, паря?

– В моем мире так когда-то называли воинов, впадавших во время боя в необузданную ярость, благодаря чему у них ускорялись рефлексы и вроде как даже увеличивалась физическая сила…

– В общем, правильно, но почему это происходит, а? Просто перед боем они напиваются отваром из особых грибов… Так что, я надеюсь, и мне чего-нибудь перепадет.

– Вон, вон, бегуйт! – донеслось до них.

Несколько дам в серых одеждах, с ведрами на головах и топорами в руках прыгнули с палубы и помчались, поднимая тучи брызг, к берегу. Их фигуры

скрылись в подлеске, весла ударили по воде, останавливая корабль, но северянки вскоре появились вновь и взобрались обратно, пожимая могучими плечами.

– Не поймайт, – раздалось с палубы. – Кл’янусь Двойном, они бегайт быстрее, чем Летучее Зубило Мёльни-Пёльни летайт.

Вода плеснулась, когда два десятка весел опустились в нее, и корабль поплыл дальше.

– Так вот, може, мне удастся, – как ни в чем не бывало продолжал хамелеон, – урвать немного этой их грибной кашки и залечить свои отверстые раны.

Река сделала крутой поворот, и корабль поплыл быстрее.

– Но что они здесь делают? – осведомился де Фей. – Ведь это не Северная область, правильно? Здесь же тепло.

– Набег, – пояснила Деби. – Отправились на денек, чтоб пограбить Центральную Арру и, может быть, Западную область Кабуки.

– На денек? Стоило организовывать поход, чтобы поплавать такой короткий срок. И как они могут успеть…

– Ты чё, паря? – Ситцен даже перестал сосать хвост. – А чего ж тута удивительного? Объясняю для дылд… Значицца, все по расписанию: вечером – пьянка, подъем в пять утра, быстрый опохмележ, зарядка – и на корабли. Четыре часа плыть, выходит, еще до обеда первый набег, незначительные опустошения, потом перерыв на обед, легкий выпивон, затем – массированная облава в лесу. А после полдника и подзаправки – назад в столицу Северной области, родимый Асьгард. Вечером, часов в девять, – праздничная вечеринка, грандиозный всеобщий упивон по случаю удачного набега, поединки на столах с жареными тушами диких тпушканов, ритуальное битье морд друг дружке и «эй, сестрица, отсеки косицу»…

Белаван, внимая речи хамелеона, несколько раз вопросительно глянул на Дебору, но та вовсе не улыбалась, а слушала, серьезно кивая.

– Вы не шутите? – наконец возмутился де Фей. – Пусть у этих… э-э… громилш такие обычаи – это, в конце концов, их собственное дело, – но как они могут за утро доплывать от северных земель до западных, а уже к вечеру вернуться обратно? Это что – пикник на полянке?

– Не земель, – поправила Дебора. – Земля у нас одна, и называется она Кабука. Просто так получилось, что над Северной областью в Круглой Стене есть… Ну, как бы естественный каменный выступ. До оцилиндривания там была гора, но когда земля под нею вытянулась вертикально, эта гора превратилась соответственно в горизонтальную. Ее верхушка, конечно, осыпалась, но все основание и средняя часть остались… Они мешают солнечным лучам проникать туда, и хотя день и ночь там длятся то же время, что и во всей Кабуке, но по-настоящему солнечных лучей там никогда не видно. Там всегда холоднее и почти постоянно лежит снег. Но если отплыть оттуда по Буте – это речка, по которой мы сейчас движемся, – если отплыть по ней вверх по течению, то сразу попадаешь в более теплые места.

– Но это нонсенс! – заявил Бел. – Воздушные массы в любом случае должны смешиваться, и климат не может настолько различаться. – Он осекся, вспомнив, в каком мире находится. Слово «нонсенс» всего лишь по поводу расположенных рядом абсолютно разных климатических зон здесь звучало нелепо. – Продолжай, – попросил он Дебору.

– Так вот, Бута тянется через Центральную область и юго-запад, мимо Недотычек, столицы Западной области, через полоску Хаоса – и берет свое начало от Длинного Водопада, который низвергается вдоль Стены, а воду черпает во Внешнем Океане. Асьгард, куда мы, наверное, плывем, – это столица Северной области. У Восточной тоже есть своя столица, город Котико, а в Южной почти никто не живет, потому что там пустыня. Да, а еще, естественно, есть Центральная часть, где находится Арра с одноименной столицей, лес Харпулко, по которому мы шли, и область Междулужья.

– И весь этот мир… За какое время можно обойти его по окружности целиком?

– Ну, не знаю… Может, от одной до трех недель. Представив себе этот карманный мирок, мирок-наперсток, Белаван смог сказать только:

– Удивительно!

* * *

В чаще леса Харпулко под маскирующим зелено-желтым пологом в позе Тихого Успокоения и Концентрации Мысли сидела узкоглазая, черноволосая, коротко стриженная женщина. С десяток охранниц в кимоно расположились вокруг навеса – проникающие сквозь листву лучи солнца поблескивали на лезвиях длинных мечей в их руках.

Охранницы не шелохнулись, когда гибкая фигура возникла из-за деревьев и скользнула под навес. Прибывшая склонилась, приложив ладони к щекам в жесте почтительного приветствия, ибо каждое движение истинной дочери Востока должно быть выве-ренно точным и ритуально многозначительным.

Под сень полога проникали щебет птиц и шелест листвы, желтые и зеленые разводы сетчатой материи бросали на траву размытые пятна. На фоне лагеря по-настоящему умилительно для исполненного древней философии ума выглядела фигура Саакэ Окацу, повелительницы Восточного Островного Архипелужка.

Подошедшая, приняв позу Важного Сообщения, то есть сплетя под собой ноги и сдвинув локти перед диафрагмой, прошептала:

– Мы не нашли ни одной жертвы, но выследили северянок.

Саакэ Окацу вытянула голову из-под левой подмышки и выпрямилась на коврике.

– Рассказывай, Нуга, – произнесла она отрешенным голосом.

Нуга с любовью и трепетом наблюдала, как тело повелительницы дисциплинированно перетекло в позу Напряженного Внимания.

Окацу, будучи владычицей Котики и прилегающих островов, в совершенстве владела искусством, которое позволяет управлять своими мышцами, суставами и сухожилиями. Она овладела всеми пятьюстами пятьюдесятью пятью позами Усмирения Тела, Обновления Плоти и Концентрации Мысли.

Нуга, ее первая помощница, освоила пока лишь триста тридцать три.

– Беловолосые великанши Снежной Свонны, – тихо заговорила Нуга, – так же, как и ты, повелительница, призванной в Стопу на праздник, опередили нас, выловив в округе всех жертв. Хорошее воспитание чуждо им, но хорошее воспитание требует от нас, чтобы мы непременно явились в Стопу с соответствующим подарком для Посвященной Шанго, подарком в виде хотя бы десятка верещащих Ушастых. Однако вскоре все они будут в Асьгарде дожидаться прилета на Стрекозном Драконе жрицы от Посвященной. – Нуга сплелась в крайне трудную для нее позу Тревожной Нотки В Голосе и, преуспев, осталась довольна собой.

– Очень мило, – отметила Саакэ, наблюдавшая за стараниями помощницы, а затем стала заплетаться в нечто, при виде чего у Нуги завистливо зачесалась левая икра, в это время пребывавшая на затылке.

Это была крайне редко используемая, печально знаменитая позиция Окончательного Приказа. Ее зловещая репутация основывалась на том, что некоторых принявших ее адепток после этого зачастую приходилось сразу же хоронить, причем в той же самой позе, ибо вывести из нее быстро коченеющее тело возможно лишь путем тотального расчленения оного.

На поверхности несимметричного клубка находившихся во взаимоисключающих положениях лодыжек, икр, ступней, шеи и поясницы остался лишь перекошенный от натуги левый глаз Саакэ, и сдавленный приглушенный голос повелительницы откуда-то из середины клубка приказал:

– Собери всех! Агент сообщил мне, что жрица Посвященной этой ночью, скорее всего, не прибудет в Асьгард на Стрекозном Драконе. Поэтому ночью мы нападем на северянок и постараемся отбить всех Ушастых жертв, дабы самим преподнести их Шанго на празднике Зажжения Свечи.

Глава 3

К вечеру они достигли границы снегов. Вскоре после того, как плотный туман накрыл окружающий ландшафт, корабль остановился у причала, заняв место в ряду таких же деревянных посудин со спущенными парусами. Еще здесь стояло несколько байдарок, и этот факт Белаван взял на заметку.

Клетку поставили на землю и открыли. Деборе, Белу и даже Гуню выдали меховые безрукавки – крокодил напялил свою, просунув передние лапы в отверстия вместо рук, – так что холод особо не досаждал.

Под конвоем пяти вигингш они двинулись по извилистой тропинке, тянувшейся сквозь грязно-белый, густой, как холодная манная каша, туман. Впереди возникли очертания города. Раздались звуки гудящих вразнобой рогов, стук колотушек и беспорядочный лай собак.

Видимо, от большого количества костров, горевших здесь, туман слегка поредел. Показался невысокий холм, окруженный деревянными строениями.

Они поднялись по заснеженной улице. Вокруг сновали высокие светловолосые мужчины с длинными косами (а иногда без кос) и степенно расхаживали еще более высокие светловолосые женщины с топорами и мечами. Белаван вглядывался в туман за холмом, но не смог обнаружить ни малейшего намека на близость Круглой Стены.

Улицу замыкало широкое приземистое здание на вершине холма. Стены из неотесанных бревен поросли мхом, крышу скрывал толстый слой снега. У коновязи под стеной стояло несколько мамонтоподобных, поросших густой рыжей шерстью лошадей. Периодически лягая друг друга копытами-наковальнями, они ели что-то из общей кормушки размером с большую ванну.

Пленников ввели в просторный холл, где расхаживало множество северных дам, и заставили повернуть в неприметный боковой проход, закончившийся пещерой. В ее земляном полу зияло несколько ям, и все это озаряли факелы на железных подставках.

– Прыгайт! – приказала одна из сопровождающих.

Поскольку пленники замешкались, их без дальнейших проволочек спихнули в яму. Затем, пока они проверяли целостность своих конечностей, сверху

раздались удаляющиеся шаги.

– В этих соседних… э-э… камерах кто-то есть? – поинтересовался Бел, прикидывая расстояние до края и приходя к выводу, что дотянуться не сможет. – Мне показалось, я что-то слышал. Вроде как в одной из них кто-то трясся.

– Совсем как я, да? – спросил Ситцен.

– А я поняла, – заявила Дебора, – почему сама Снежная Свонна участвовала в этом походе.

– Да ну, милка, – проворчал хамелеон. – И почему же?

– Я не милка, крокодил. Я – Дебора Анчи. Мне кажется, потому, что этот поход очень важен. Вы же знаете… то есть ты, крокодил, должен знать, что всех повелительниц призвали в Стопу на праздник. И они обязаны, конечно же, явиться с подарками для Посвященной. А какой подарок ей нужен? Конечно, Ушастые жертвы, которых она…

– Кто такие Ушастые жертвы? – удивился Бел. Раздались шаги, и на дно ямы кубарем скатилось тело. По белой меховой оторочке Белаван понял, что это тот самый человек, который сидел в соседней клетке… а затем понял, что все равно ошибся. Это был не человек.

– Вот Ушастая жертва, – отметил Гунь Ситцен.

Белаван де Фей увидел полутораметрового кролика, в широких штанах с прорезью для хвоста и меховой безрукавке. Кролик, поднявшись, отряхнул мохнатыми лапами колени и по очереди оглядел пленников. В его глазах мелькнуло что-то неестественное, но свет факелов, совсем тускло озарявший дно ямы, не позволял определить, что именно.

– Приветствую собратьев по несчастью, – произнес кролик нараспев.

В мире Бела животные не говорили. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Они могли рычать, мычать, кричать, блеять, мяукать, лаять, издавать множество других звуков, но говорить – не способны. Неразумность и неразговорчивость

животных – один из основополагающих принципов, на которых зиждилось мировоззрение де Фея.

– И тебе здорово, служивый, – откликнулся Ситцен. – Много ваших повязали?

– Кролей, что в чащах диких Арры безбедно жизнь вольготную вели, – промолвил кролик, тщательно выговаривая слова в архаичном стихотворном ритме, и вздохнул: – совсем уж больше не осталось.

– Да, паскудно вам ноне живется, – согласился хамелеон. – Тебя как звать?

– Зовусь я Баган, – представился кролик и поклонился так, что длинные уши свесились чуть не до земли.

– Из рода Скунсов, знатного когда-то, но ныне измельчавшего совсем. Я есть к тому же предводитель ватаги славной грызунов-повстанцев. Создал среди кролей сопротивленье, в Стопу к Шанго хотели мы идти, дабы закончить страшные убийства и ритуалы вовсе прекратить, Когда кроли бесследно исчезают… Но викингши Своннихи Лагерлефши нас всех в пути нежданно повязали. Мои собратья вельми трусоваты (под «вельми» разумею я «чрезмерно») И оказать сопротивленье не смогли. Их всех в мгновенье ока захватили. Я скрылся, но затем решил вернуться – ведь побратимов, пусть даже и трусов, негоже оставлять одних в беде. Тем более что я их атаман. Итак, вдоль Буты двинул я стопы… – Кролик приподнял лапу, демонстрируя пленникам меховую ступню размером с подушку-думку. – И был захвачен женщинами Свонны. – Баган Скунс подступил к стене и крикнул так, что его голос разнесся по пещере: – Вы слышите ль меня?

После паузы до них донеслось:

– Мы слышим, Баган.

Затем другой голос, принадлежащий, казалось, существу, которое пребывает в крайне пессимистическом умонастроении, добавил:

– Что хочешь ты?

– Вы недостойны чести называться, – обвинил Скунс, – кролями!

– Не в силах мы смущенья побороть, – откликнулись из соседней ямы. – Природная опаска берет свое…

– Опаска?! – возмутился Баган. – Я называю это страхом мерзкослабым! Тот недостоин называться кролем, кто честь свою не смеет защитить!

– Почто ругаешь нас, почто словами ранишь? Третий голос, который выражал очень мало надежд на дальнейшие перспективы, заметил:

– Ведь ты же бросил нас, не так ли? Тут Баган разбушевался не на шутку.

– О лапу лапой вы ударить не смогли! – закричал он, патетически прядая ушами.

– За вами я вернулся, чтоб спасти, – а вы мне лишь упреки говорите?

Раз так, спасайтесь сами из ловушки! Я больше помогать вам не намерен! В седалища я всех вас… так и знайте! Пока кролики перекликались, Бел склонился к Деборе и прошептал:

– И так у вас всегда было?

– Как? – тихо спросила она.

– Я имею в виду, кролики всегда были такими… большими? И разговорчивыми?

– Не кролики – кроли, – поправила она. – «Кролики» – это обидно, все равно что назвать людей «человечишками» или «людишками». И конечно, они всегда были такими.

– То есть и до оцилиндривания?

– Да.

– А кто еще у вас разговаривает?

– О чем ты говоришь?

– О других зверях. Они тоже разговаривают?

– Так! – возмутилась Дебора. – Ты – расист?

– Ни в коем случае. Просто у нас животные никогда не разговаривают.

– Но кроли – не звери. Не животные. Звери – это звери, люди – это люди, а кроли – это кроли.

– Ты имеешь в виду, что они просто еще одна, ну… разумная раса, которая так же, как и люди, обитает в Кабуке? В отличие от диких зверей… к примеру… не знаю, медведей, лисиц… э-э… тушканов каких-нибудь, которые не разумные и, соответственно, не разговаривают?

– Ну да! – подтвердила Деби.

– Вот теперь понятно. А что он говорил о ритуалах?

– Точно никто не знает, но кролей постоянно требует доставлять к себе Посвященная Шанго. Какие-то жертвоприношения. Она помещает их в Круг… не знаю, что это такое… И они вроде как исчезают и назад уже не возвращаются.

– Очень странно, – заметил Бел. – В моем мире доставать кроликов из шляпы – обычный цирковой фокус. Этот самый А. Левенгук, владелец шляпы, тоже подобным занимался. Интересно, есть здесь какая-нибудь связь?

– Вы ваще об чем думаете? – язвительно вставил Гунь Ситцен. – Вам бы, умникам, подумать, чего с нами собирается делать Лагерлефша.

Солнце зашло, и снег на плоских крышах окрасился в густо-синие тона. Народу на улицах почти не было, узкие окошки озарились светом факелов и тростниковых свечей.

Ярче всего горели окна Большого Сруба, здания, напоминавшего ангар для хранения негодных корабельных остовов. С разных сторон по замерзшим притихшим улицам к Срубу пробирались несколько десятков посиневших от холода, дрожащих женщин в кимоно.

* * *

Снежная Свонна высморкалась в платок размером с лошадиную попону. От двух резких перемен климата, через которые она сегодня прошла, у нее разыгрался насморк катастрофического масштаба. Свонна бросила платок на пол и довольным взглядом окинула главный зал Сруба, под стенами которого горело около сотни факелов на железных треногах.

Северянки переоделись в домашнее…

И происходило то, что в Асьгарде именовалось культурным проведением досуга с небольшим количеством жертв и разрушениями чуть выше среднего. То есть сестры отрывались вовсю.

Помещение наполнял лязг мечей, топоров, щитов, рогов для питья и для производства музыкального праздничного рева, крики, стоны, звуки песен и хоровой рокот голосов, звучащих одновременно и вразнобой.

На устланном соломой полу стояли столы и бочонки, по нему топали могучие пятки, а иногда пробегали другие пятки, не столь могучие, – это мужчины, расставив очередную порцию мисок с дымящимися кусками жареной тушканины, спешили убраться из зала, увертываясь на ходу от загребущих женских рук и прикрывая платками косы. Национальный северный вид спорта – борьба с тушами тушканов – велся прямо на столах, поверхность которых иногда достигала площади небольшого стадиона.

Спортсменки-любительницы и спортсменки, уже давно и заслуженно считавшиеся профессионалками, топтались по посуде, совершая броски и подсечки безответных соперников, а окружающие с ревом восторга, сопровождавшего каждый удачный финт, обливали их вином и забрасывали обглоданными костями. Среди столов происходили поединки между лихими представительницами юной поросли, насосавшимися грибного отвара, – они

хотели победой доказать, что уже достойны носить рогатое ведро.

Свонна окинула сборище взглядом и вгрызлась в тушканий бок, когда к ее уху склонилась первая помощница Тайя Строга и с гордостью произнесла:

– Сегодня у нас весь Асьгард.

– Аф! – Лагерлефша со стуком бросила обглоданную кость на стол прямо в лужу вина. – Скоро прилетайт Стрекозный Дракон и принесет в жабрах жр’ицу от дер Шанго.

– Но разв’е не было соопщения, что визит жрицы отмен’яется? – удивилась Тайя.

– Да, но нетавно пришло еще одно: Дракон все же прилетайт. Пойди скажи, чтоб привел’и пленников.

Тайя встала и двинулась к выходу, пробираясь между бочонками, столами и разгоряченными телами и при этом мысленно с размаху хлопая себя ладонью по лбу.

Сегодня днем, отлучившись под каким-то предлогом с корабля, в условленном месте она встречалась с посланницей Лепестка Лотоса Саакэ. От посланницы к Тайе перешло некоторое количество золотых монет, а от Тайи к посланнице – некоторое количество сведений, самым важным из которых было сообщение о том, что Стрекозный Дракон со жрицей от Шанго этой ночью не прилетит.

Посвященная запрещала вооруженные конфликты между своими адептками (если только эти конфликты не разгорались по ее прямому попустительству) и потому, естественно, в присутствии жрицы Саакэ не решилась бы атаковать Большой Сруб. Но, как выяснилось, этой ночью жрица на драконе все же появится здесь…

Тайя вышла в коридор, ведущий к тюремным ямам. Там перед бочонком сидели две охранницы с рогами в руках. Тайя приказала им:

– Привет’ите тех троих и Ушастого!

Затем, чувствуя нервную дрожь в своих довольно-таки полных коленках, она двинулась назад и тут услышала, как в гул, доносившийся из зала, вплелся новый звук. Покрывшись холодным потом, Тайя Строга на цыпочках пробралась к дверям и выглянула.

Изо всех окон и дверей в зал лезли проворные фигуры в кимоно, со сведенными от холода скулами и синими лицами. Они наскакивали на северянок, а те ревели, спьяну не понимая, что происходит, и хватались за оружие.

Тайя Строга глубоко вдохнула, зажмурила глаза и нырнула в зал головой вперед, как в омут.

В яму опустилась узкая лестница, и вверху одна из охранниц скомандовала голосом, который теперь уже не был так же тверд, как раньше:

– Эй, вы, мал’енкие людишки, и ты, Ушастый, вылезайт! – Вслед за этим над краем ямы показалось раскрасневшееся лицо.

Баган Скунс первый шагнул к лестнице и стал подниматься, в то время как одна охранница говорила другой:

– Теп’ерь можно буд’ет уйти и не охраняйт больше эт’их басурман.

Кроль достиг верхней ступени. Когда охранница попыталась схватить его за уши, чтобы побыстрее вытянуть на пол, Баган вдруг схватил ее саму за руку и сильно дернул. Число опустошенных к тому времени северянкой рогов приблизилось к десятку, так что она без особого сопротивления перекувырнулась через край и с удивленным воплем: «О мой Тур!» – рухнула на дно ямы.

– Лезьте вверх без промедленья! – крикнул Скунс, хватая упавший меч и наступая с ним на вторую охранницу.

Икнув, та схватилась за топор.

Внизу Гунь Ситцен засандалил хвостом по русоволосой голове северянки, а Бел де Фей, схватив Дебору под руки, рывком поставил ее сразу на пятую

перекладину лестницы.

Когда они выбрались, кроль и северянка с энтузиазмом махали друг на друга оружием. Гунь первый сообразил, как лучше всего подсобить одному из дерущихся и подкузьмить другому. Выбрав момент, он подлез сзади под ноги охранницы и взмахнул хвостом, после чего она полетела вслед за соратницей в яму, из которой Бел как раз успел извлечь лестницу.

– Бегите, живо! – произнес тяжело дышащий кроль, опираясь на меч. – Я пока освобожу своих трусливых братьев… – Кивнув им, он бросил оружие, схватил лестницу и потащил ее к соседней яме.

В коридоре, пока Гунь Ситцен осторожно заглядывал в дверь, Дебора приперла Бела к стене и возмущенно потребовала:

– Никогда больше так не делай!

– Как? – удивился Бел.

– Не подсаживай меня ни на какие лестницы! Это я должна подсаживать тебя, понял, Белаван де Фей?

– Но… – Бел изумленно покрутил головой, и тут его перебил Ситцен:

– Оба-на!

Крокодил повернул к ним голову с приоткрытой пастью и горящими глазами.

– Щас! – крикнул он и нырнул в двери.

Прислушиваясь к очень содержательному реву, который доносился снаружи, они приблизились к дверям и осторожно выглянули. Некоторое время смотрели. Потом втянули головы обратно и глянули друг на дружку.

– Такого… э-э… количества мускулистых женских ляжек и… э-э… очень больших… гм… грудей я, еще не видывал, – осторожно заметил Бел.

– Там жарко, и они остались в… гм… домашней одежде, – откликнулась Дебора севшим голосом. – Интересно, здесь есть другой выход?

Из дверей метнулось приземистое сиреневое тело с панковским хохолком на темени и деревянной миской в зубах. От миски неприятно пахло.

– Видали? – Ситцен опустил миску на пол и принюхался. – Скока баб, и все в халатах. – Он сунул пасть в миску и шумно зачавкал.

– Да, но с кем они дерутся? – спросила Дебора.

– Х-хах-хие-хо феф-вхи ф-в щефном, – промямлил Гунь, не отрываясь от миски. – Фхохе хах фафы с Оффофнофо Аффефефуфка. Оф-чень фоф-хоши фа… – Крокодил опустошил миску и закончил, облизываясь: – Похожи на самураек Саакэ. Жуть берет, чего они друг с другом вытворяют.

Из коридора прилетел топор и вонзился в стену над их головами.

– А что это ты съел? – поинтересовался Белаван.

– Грибной отвар. Вообще-то, он сильнодействующий, его надо немного пожевать и сразу выплюнуть, но я… – Ситцен вдруг умолк, вздрогнул всем телом и застыл как статуя.

– Эй! – позвал Бел. – Гунь, что с тобой? Коридор наполнился топотом лап и мохнатыми телами. Бел и Дебора вынуждены были поспешно отступить к стене. Кроли, в штанах и безрукавках, пронеслись мимо и в мгновение ока скрылись за дверью.

Шум в зале стал тише.

Потом резко усилился.

Баган Скунс, бежавший позади всех, притормозил и поведал:

– Я им сказал, что в промедленье гибель, что их убить хотят всех вероломно.

И, напугав почти до полусмерти, заставил разбежаться что есть мочи. (Пронять нетрудно кроличью натуру!) От страха позабыв про все на свете, собратья смогут зал преодолеть и вырваться из города Асьгарда… идемте!

– Пошли, – согласилась Дебора. – Мне, как женщине, не пристало предлагать подобное, но давайте попробуем пробраться на четвереньках вдоль стены. Там такое делается, что, может быть, нас даже и не… – она моргнула, когда в коридор влетел двуручный меч, запущенный кем-то наподобие копья, и вонзился в стену рядом с топором, – не заметят.

– Гунь! – позвал де Фей. – Гунь, ты идешь? – Он осторожно ткнул хамелеона в брюхо носком туфли.

Сиреневый крокодил очень медленно, словно преодолевая огромное сопротивление, поднял голову от пустой миски, и все увидели, что хохолок на его темени дико топорщится, а узкие зрачки покраснели и расширились.

– Идешь?! – напряженно повторил Гунь Ситцен с первобытной яростью в голосе. – Разверни и подбрось, ДА Я СЕЙЧАС РАЗНЕСУ ЗДЕСЬ ВСЕ ВДРАБАДАН!!!

Когда они сквозь падающий снег бежали по темной улице, низко в черном небе над их головами к большому Срубу пролетело, издавая рокочущий грохот, массивное грушевидное тело.

– Наверное, Стрекозный Дракон Посвященной Шанго, – прокомментировала Деби. – Говорят – страшный монстр.

– Вернемся, чтобы глянуть на него? – выступил с предложением немедленно заинтересовавшийся Бел, но встретил полное непонимание.

На причале Ситцен, раскалившийся докрасна от неизбывной ярости берсерка, в два счета перекусал и разогнал всех охранниц. В этот момент дракон пролетел в обратном направлении – медленно, потерянно рыская из стороны в сторону, издавая жалкие булькающие звуки. Грушевидное тело было плохо различимо, но все же путникам показалось, что теперь оно больше напоминает шерстяной клубок, из которого во все стороны торчат короткие спицы.

Рев дракона смолк в холодной дали. Над вершиной холма появилось быстро разгорающееся алое зарево. В его отблесках вскоре отыскалась подходящая трехместная байдарка с веслами. Единственную проблему представлял Гунь Ситцен (которого решено было тянуть по воде на буксире): он, рыча, бросался на темные силуэты кораблей, пытался отхватить зубастой пастью длинные кили и орал что-то про загубленную молодость.

* * *

– Я доведу вас до границы леса, а там расстанемся.

Наступило утро. Оставив байдарку на берегу, путешественники углубились в лес, двигаясь по направлению к Западной области и городу Недотычки. Грибной отвар постепенно перестал бурлить в организме Гуня Ситцена, хамелеона вновь начало трясти. Выяснилось, что последние события не запечатлелись в его взбудораженном рассудке. Когда Бел попытался напомнить Гуню, как тот, периодически покидая корму байдарки, охотился за рыбой, а один раз даже выбрался на берег и с громкими воплями долго гонял кого-то по темному лесу, хамелеон лишь недоуменно хлопал пастью и отнекивался.

– Послушай, Баган, – сказала Дебора. – Я, конечно, знала, что жрицы Шанго похищают кролей и что-то делают с ними, но никогда не слышала про организованное сопротивление.

Еще раньше, как только рассвело, Белаван понял, что именно насторожило его в глазах Скунса. Поразительное косоглазие, присущее, собственно, всем представителям кроличье-заячьего семейства, но у столь крупного представителя этого семейства достигшее буквально косой сажени в глазах.

Теперь кроль окинул спутников взглядом… вернее, взглядами, так как его правый глаз очертил эллипс по небу, а левый – какую-то причудливую мистическую цифру, что-то вроде «восьмеркошеститройки», по кронам деревьев, стволам и траве.

– Повстанцы появились лишь недавно, – заявил Баган, – Их я сплотил из массы разобщенной. В объединенье только наша сила!

– Служивый, нет ли травки у тебя?.. – начал Гунь. – А, разверни да подбрось! Косячка, грю, у тебя, часом, не завалялось?

– Не пользуюсь и сей дурной привычки не одобряю.

– Так я и знал.

– Что представляют собой эти Недотычки? – спросил Белаван у Деборы.

Девушка пожала плечами:

– Вообще-то, обычный западный город. Бургомистершей там Оторва Малина, и она же – крестная мать тамошних преступников. Все об этом знают, но все равно ее каждый раз избирают на новый срок. Но нам, вернее тебе больше следует опасаться Слиссы Фалангисты из Эхоловных пещер, расположенных рядом с Путем Безумного Фуна.

– Почему?

– Ну… – Дебора отчего-то смутилась. – В общем, лучше не попадаться на глаза ее подручным.

– Она хочет сказать, паря, – вмешался Ситцен, которому такое чувство, как смущение, было неведомо в принципе, – что Фалангиста шибко охоча до симпатишных и молоденьких пареньков вроде тебя. У ей этих пареньков цельный сераль.

– Я – симпатичный? – вполне искренне удивился Бел– Не понял.

– Ну, малыш, не кокетничай.

– Я – кокетничаю?! – еще больше удивился он. – Не понял.

– Чтоб тебя развернуло да подбросило! – обозлился Гунь. – Вот я никогда миленьким не был, так я ж этого и не скрывал! Всякий красавчик делает вид, что и не догадывается, как выглядит, а на деле тащится, как питон по баобабу, ежели бабы оглядываются на него! Ну чё ты не понял? Тебе скоко годов?

Это был хороший вопрос, повернувший мысли Белавана де Фея в философическом направлении. «Что за невероятный изгиб теории вероятности и теории относительности? – спросил он сам у себя. – Я иду в компании девушки, которая, кажется, считает себя чересчур мужественной, метаморфного крокодила-жероинщика и большого разумного кролика, говорящего стихами… В чужом мире, расположенном в цилиндре фокусника… Иду, чтобы увидеть Посвященную, приносящую грызунов в жертву каким-то странным богам. И плюс ко всем этим прелестям я даже не знаю точно, сколько мне лет! И можно ли сказать, чтобы мне все это не нравилось? Нет – даже наоборот». Гунь Ситцен между тем рассказывал кролю:

– Паря утверждает, что когда Кабука оцилиндрилась, то попала в шляпу фокусника из его мира… А эту вот дылду очкастую затянуло в ту шляпу, и так он оказался здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/novak_il-ya/zapretnyy-mir

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити